

Електронна бібліотека видань історичного факультету Харківського університету

Сорочан С. Б. Око и щит империи. Херсон к концу правления Юстиниана I и при его ближайших преемниках // Боспорские исследования. – Вып. 5. – Симферополь; Керчь, 2004. – С. 320-361.

При використанні матеріалів статті обов'язковим є посилання на її автора з повним бібліографічним описом видання, у якому опубліковано статтю. Дана електронна копія статті може бути скопійована, роздрукована і передана будь-якій особі без обмежень права користування за обов'язкової наявності першої (даної) сторінки з повним бібліографічним описом статті. При повторному розміщенні статті у мережі Інтернет обов'язковим є посилання на сайт історичного факультету.

Адреса редакційної колегії:

Україна, 61077, Харків, пл. Свободи, 4,
Харківський національний університет ім. В. Н. Каразіна,
історичний факультет. **E-mail:** istfac@univer.kharkov.ua

©Харківський національний університет ім. В. Н. Каразіна; історичний факультет

©Автор статті (статтю розміщено за згодою автора)

©Оригінал-макет та художнє оформлення – зазначене у бібліографічному описі видавництво

©Ідея та створення електронної бібліотеки – А. М. Домановський

С. Б. Сорочан

ОКО И ЩИТ ИМПЕРИИ. ХЕРСОН К КОНЦУ ПРАВЛЕНИЯ ЮСТИНИАНА I И ПРИ ЕГО БЛИЖАЙШИХ ПРЕЕМНИКАХ

С середины 50-х гг. VI в. евразийский мир оказался потрясен масштабными тюркскими завоеваниями. Закованная в железные латные доспехи, бронированная конница тюрков уже через три года покорила просторы от Каспийского до Черного морей, объединив здесь всех степняков в рамках ордынской государственности – Тюркского каганата, престол в котором наследовали выходцы из знаменитого рода Ашина – “Волка”. Тогда же, в самом начале второй половины VI в., в районах, непосредственно примыкавших к Северному Причерноморью, появились новые племена аваров, двигавшиеся под натиском воинственных тюрков из приволжских степей. К концу 60-х гг. они перешли Дунай и заняли просторы Паннонии [Артамонов 1936, с. 22-26; Амброз 1981, с. 11]. Вслед за ними в 70-х гг. показались их преследователи – тюрки, вторгшиеся в Таврику, где до этого на степных просторах около Херсона (*juxta Chersonam*) и Боспора кочевали племена гуннов [Прокопий 1950, с. 388 (IV. 5. 27-28); Иордан 1960, с. 72, § 37, коммент. 119]. Долгое время было принято считать, что уже к середине VI в. строительство здесь пограничных оборонительных систем, как и в прочих регионах Византии, стало сворачиваться и под нажимом военных отрядов тюрков в 70-80-х гг. VI в. византийское доминирование на территории Крыма прекратилось более чем на два столетия, во второй половине VII в. уступив место безраздельному хазарскому господству [см.: Кулаковский 1898, с. 179; Кулаковский 1906, с. 63; Бобринский 1905, с. 95-97; Шестаков 1908, с. 11-12; Якобсон 1954, с. 152, 158; Якобсон 1964, с. 27; Герцен 1984, с. 87; Николаева 1984, с. 20; Пиоро 1990; Баранов 1994]. В качестве одного из ярких примеров подобной трансформации фигурировало указание на исчезновение византийских слоев на городищах бывшего Боспорского царства после второй четверти VI в. и, как следствие, окончание античного периода его существования [Гайдукевич 1940, с. 190-204; Артамонов 1962, с. 88; Блаватский 1964, с. 225-226; Николаева 1984, с. 10]. Роль Херсона при этом затушевывалась, и его положение в постюстиниановское время исследователи долгое время либо сводили к традиционной, по сути дела, пустой фразе о конце античного этапа истории и “рождении феодализма”, либо обходили своеобразным “заговором молчания”, сетуя на нерепрезентативность источников.

Сомнения в справедливости подобных взглядов нарастают в последнее время, подтверждая мнение о том, что история как наука знает мало истин, установленных раз и навсегда. Едва ли городская и сельская жизнь в Восточном Крыму когда-либо обрывалась столь повсеместно, как думалось большинству исследователей [Гайдукевич 1949, с. 480-483; Gajdukevic 1971, S. 513; Блаватский 1964, с. 214; Сокольский 1968, с. 253-256; Кобылина 1978, с. 30-35; Шелов 1978, с. 85-86; Якобсон 1979, с. 5; Блаватский 1985, с. 251-255; Засецкая 1994, с. 140, 160; Засецкая 1996, с. 31], а там, где это случалось, не всегда можно видеть руку варваров – алан, утигуров, гуннов, тюрок или хазар, степень непосредственной угрозы которых в Таврике, как ныне становится ясным, была в определенной степени преувеличенной [ср.: Сазанов 1999, с. 17-20, табл. 7-11, с. 28-30, 32-35, 36, 38-40; Айбабин 1999, с. 79; Ивченко 2002, с. 116-118; Тортика 2003, с. 62-72; Зубарь, Сорочан 1998, с. 118-132; Сорочан, Зубарь, Марченко 2000, с. 129-156, 209-231]. Видимо, современников гораздо больше пугала сама возможность приближения опасности, нежели ее реальные плоды.

Скажем, многолетние раскопки Пантикапея (Боспора) не обнаружили следов гуннского разрушения, а строительство велось на территории бывшего акрополя даже во второй половине VI – первой половине VII вв. Район центрального плато горы Митридат был обитаем, плотно застроен в позднеантичное время, несмотря на соседство кладбища с большим количеством ямных и плитовых могил, и, значит, даже в указанное время далеко не все жители боспорской столицы спустились к подножью горы, в Нижний город [Журавлев 1999, р. 28-32]. Материалы, собранные сотрудниками Керченского историко-археологического музея во время строительных работ в Керчи в 50-70-е гг. XX в., вместе с материалами охранно-археологических раскопок последних десятилетий в центре Керчи, позволяют заключить, что Боспор раннесредневекового времени занимал значительно большую территорию, чем представлялось прежде. Городские кварталы простирались вдоль подножья горы Митридат, приморский участок города располагался у порта, а на центральном, западном плато, северных и южных склонах горы Митридат размещался обширный плитовый некрополь второй половины VI – начала X вв., а кое-где продолжала функционировать террасная система и отдельные постройки V-VI вв. [Пономарев 2002, с. 202-205].

Культурные слои Гермонассы-Таматархи IV-VIII вв. тоже не несут следов частых пожаров и вражеских разрушений, а очертания средневекового города повторили, в основном, античный город [Финогенова 2000, с. 48-49]. Еще более показательны результаты исследования боспорского Китея – центра юго-востока Керченского полуострова, которые позволили установить, что причиной прекращения в нем жизни к концу VI в. стали не военно-политические неурядицы, а скорее действие гораздо более неумолимого, природного, геоэкологического фактора – катастрофическое нарушение структуры пресных водоносных слоев, сделавшее существование города невозможным примерно с середины столетия.

Находки амфор первой половины VI в., поздних типов привозной краснолаковой “штампованной” керамики, солида Юстиниана I, а также тарапана ранневизантийского времени, то есть остатки производственного сооружения, свидетельствуют, что обитатели Китея дольше всего продержались в западной и восточной частях городища, но со временем вынуждены были уйти и оттуда [Молев 1990, л. 9; Молев, Молева 1994, с. 265; Молев 2000, с. 44].

Киммерик (Кивериик) оказался на новом месте, несколько отодвинувшись от моря. Еще одна крепость находилась на горе Опук. В отдалении от моря продолжала существовать и крепость Илурат, некрополь которой функционировал в VII-VIII вв., действовали территориально-хозяйственные комплексы в районе Тиритаки, Крымского Приазовья, мыса Казантип, хотя чересполосно существовали места, фактически оставленные жителями (в Нимфее, Акре) [см.: Хршановский 1998, с. 104; Болгов 1998, с. 44-49]. Разрушения на поселениях сменялись строительством, причем традиции хозяйства и быта сохранялись неизменными [Мокроусов, Сазанов 1996, с. 88-107; Масленников 1998, с. 172-178, 262-267; Сазанов, Мокроусов 1999, с. 167-223]. Крымское Приазовье было особенно густо заселено и, в целом, вполне процветало [Масленников 1992, с. 120-173; Масленников, Безрученко 1991, с. 37-45; Масленников, Мокроусов, Сазанов 1999, с. 394-396; Мокроусов 2000, с. 99-101; Мокроусов 2000а, с. 73-74].

Не несут следов существенных этнических изменений и материалы некрополей [Масленников 2000, с. 136-200]. Даже степень негативности тюркского нашествия в Таврику во второй половине 570-х – начале 580-х гг. и его разрушительность для поселений – основных демографических элементов античной системы землепользования и землеустройства – остается под вопросом. А.М.Масленников считает, что “...кое-где жизнь еще теплилась несколько десятилетий спустя”, но сам же признает, что состоянием сельской хоры Восточного Крыма в эпоху раннего средневековья никто серьезно не интересовался [Масленников 2001, с. 98]. Следовательно, истинное положение непосредственных соседей Херсона по крымским владениям Империи могло быть не столь плачевным, как порой об этом пишут исследователи [ср.: Русяева, Зубарь 1998, с. 101-105].

Еще больше сомнений порождает представление о том, что власть ромеев рухнула по всей Таврике столь обвалью и полностью. Веских оснований для подобного вывода нет. Херсон и прочие порты Крымского полуострова уже в силу своего выгодного геополитического положения должны были занимать важное место в византийской глобальной стратегии, направленной на умаление персидского контроля над восточной торговлей и расширение северного направления торговых путей. Потеря контроля над этими прибрежными городами означала бы не только утрату части выходов к морю, но гораздо большее – потерю всего приморского региона вместе с его сухопутными областями и территориальными водами [ср.: Ahrweiler 1966, p. 45-48; 1961, p. 239-252; 1978, p.

259-297; Литаврин 1999, с. 12-13]. Безопасность балканских провинций Романии, прикрывавших сердце и мозг государства – Константинополь, во многом тоже зависела от готовности ее подданных в крымских владениях собирать разведывательную информацию, пристально следить за передвижением самых разных племен и народов через Северное Причерноморье, вовремя предупредить о готовящемся нападении, помочь в организации помощи (хотя бы дипломатической) и от позиции союзников Византии в соседних с Таврикой районах [Удальцова 1989, с. 243; Bortoli, Kazanski 2002, p. 652]. В этой обстановке главную роль неминуемо начинали играть торговые и военно-политические контакты с тюрками, шел обмен посольствами в 558, 562, 563, 568 гг. и в конце VI в.¹ При этом если Боспор “во втором году правления Тиверия кесаря” (между декабрем 575 и декабрем 576 г.) оказался ненадолго захвачен многочисленными войсками Вохана, полководца непобедимого вождя Турксанфа (Тянь-хан-хана) – наместника приазовских земель и его подневольного союзника, гунна Анагея, “владельца племени утигуров” (*os ekratei tou phulou ton Outigouron*) [Menandr, fr. 45, p. 90; Менандр 1860, с. 422, 423; Кулаковский 1896, с. 12; Гумилев 1967, с. 106; Гадло 1979, с. 96]², то Херсон с окрестностями оказался способен стойко выдержать натиск кочевников, к лету 581/582 г., вероятно, сравнительно близко приблизившихся к его стенам³. Как известно, Юстин II (565-578) отказался от решения проблем с варварами с помощью золота, что, вероятно, и спровоцировало тюрков на отказ от политики переговоров, выраженной посольствами 568-575 гг., и на захват Боспора [Круглов 2002, с. 81].

С бурными событиями тюркской оккупации могут быть связаны находки в склепе, раскопанном Ю.А.Кулаковским в 1892 г. на Госпитальной улице Керчи, остатков одного или двух железных панцирей из наборных пластин с вырезными краями, близких к защитным доспехам аварского круга, двух полусферических пластинчатых шлемов, один из которых был с кольчугой, закрывавшей шею, обломков двух мечей, двух железных кинжалов, двух десятков трехлопастных наконечников стрел, железного наконечника копья, ременной золотой гарнитуры, возможно, поясной, и фрагментов расшитой золотными нитями одежды или покрова [Arendt 1932, S. 53-54; Кубарев, Ахмедов, Журавлев 2003, с. 204-221; ср.: Айбабин 1999, с. 141]. К этой же поре относится слой пожара на

¹ Известно не менее шести византийских посланников (Зимарх, Анагаст, Евтихий, Иродиан, Павел Киликиец, Валентин) [см.: Менандр 1860, с. 370-384, 398-400, 416-418, 462; Феофан Византиец 1860, с. 492-493; Theophylact Simocatta 1834, p. 282; Theophan 1883, p. 239].

² Накануне в ставку Турксанфа прибыло византийское посольство во главе с Валентином, где оно было встречено враждебно, с угрозами.

³ Это событие историки обычно относят к 580 г., поскольку из текста источника следует, что оно совпало с развертыванием подготовки осады аварским хаганом Бояном важного византийского города-крепости Сирмия, когда с помощью пленных ромейских мастеров велось строительство моста через Саву: император Тиверий II “знал, что хаган строит мост с той целью, чтобы препятствовать ввозу в Сирмию припасов”, но, будучи связан войной с персами в Армении и Месопотамии и не имея даже малочисленных войск для противостояния аварам, пытался запугать противника, говоря, “что это время не самое благоприятное для... аваров, потому что

Баклинском городище, на дальних подступах к Херсону [Могаричев 2000, с. 98], а также находки в самом городе моливдула императора Тиверия Константина рубежа 70-80-х гг. VI в. и печати начала правления Тиверия Маврикия (582-583 гг.) [Алексеев 1995, с. 159; 1999, с. 147, 152, № 6]. Во всяком случае, внешняя угроза на какой-то момент была весьма велика и вполне реально могла грозить большими бедами.

Очевидно, Херсон спасли не столько его мощные, двухрядные крепостные стены и начавшая активно создаваться к этому времени, во второй половине 70-х – начале 80-х гг. VI в., система обороны из нескольких укреплений – убежищ на подступах к городу, в юго-западной части Внутренней (Второй) гряды Крымских гор, сколько внезапная смерть тюркского хагана Арсилы в 581 г. [Moravcsik 1958, S. 72], последовавшая как раз тогда, когда враги, вероятно, обложили город или, скорее, были близки к этому, если поверить полуправдивым намекам Тиверия II аварским посланникам. К тому же с этого же года положение каганата осложнилось в связи с приходом к власти в Китае династии Суй, при которой развязалась кровавая тюркюто-китайская война. Тем не менее тюркская угроза сохранялась на территории Крыма до конца 80-х гг., что, разумеется, должно было стимулировать крепостное строительство. Только разгоревшаяся с 581 г. внутрдинастическая борьба, неудачи в войне с персами, полоса поражений на востоке, восстания в Хотане, Иране и эфталитов, усиление Китая, образование в каганате прокитайской группировки, восстания некоторых племен (каби, сеяньто и др.) и, наконец, последовавший распад гигантской тюркской степной “империи”, переставшей существовать в виде единого каганата к 602 г., заставили тюрков в конечном итоге покинуть Таврику, сбросили здесь напряжение, создали возможность урегулирования многих вопросов и установления мирных отношений с Византией [Артамонов 1936, с. 39]. Великий каганат тюркютов распался на Восточный и Западный, причем в последнем на троне остались выходцы из рода Ашина, которым в дальнейшем доведется сыграть значительную роль в истории Хазарии. В 588 г. тюрки вернули Империи Боспор, а в 589-591 гг. уже принимали участие в войне с персами на стороне ромеев. Византия вместе с тайским Китаем на сей раз стала союзницей Западного

тюрки уже поставили стан у Херсона, и что если авары перейдут Истр, то это немедленно будет замечено [их врагами] турками” [Менандр 1860, с. 462, фр. 66]. Действительно, подготовка к осаде города началась в 579 г., а в начале 582 г. она завершилась эвакуацией защитников и обитателей Сирмия [Treadgold 1997, p. 226]. Однако из сочинения Иоанна Эфесского (ок. 507-585) можно понять, что автократор Тиверий II и “все государство были немало огорчены тем, что случилось в 3-й год его царствования после смерти Юстина и всячески пытались разрушить мост”, отстроенный, следовательно, не ранее октября 580 г. и не позже октября 581 г. [Пигулевская 2000, с. 534 (VI. 24); ср.: Васильевский 1878, с. 117; Кулаковский 1898, с. 179; Житие Иоанна Готского 1912, с. 386; Васильев 1927, с. 184; Якобсон 1959, с. 34; Артамонов 1962, с. 137]. Насколько были близки тюрки к Херсону и действительно ли “поставили стан” в его окрестностях, можно только гадать, ибо, по словам Менандра, Тиверий II откровенно блефовал, притворяясь не понимающим замысел хагана и надеясь устроить его не столько реальной, сколько призрачной угрозой, что не укрылось от “варварского посланника” уже во время переговоров.

каганата. Вскоре был заложен краеугольный камень будущей византийской дипломатии в отношении хазар – мирный договор с тюрками 598 г., на двести лет определивший ее основное направление [см.: Феофилакт Симокатта 1996, с. 188-192 (VII. 7 -9); Артамонов 1962, с. 140].

Однако за этот короткий с точки зрения истории период в четверть столетия местное население Таврики, греки, а особенно ираноязычные аланы, германцы (готы), балты – “здешние люди, не терпевшие быть заключенными в стены” [Прокопий цит. по: Сидоренко 1991, с. 112], наученные горьким опытом, должны были окончательно расстаться с желанием “жить на равнине” и озаботиться продолжением создания надежных оборонительных сооружений – укрытий для местного населения, его имущества, скота, которые защитили бы подступы со стороны причерноморской и крымской степи, откуда через семикилометровую горловину Перекопа грозили вторжения пришельцев, способных заполнить все окрестности. Организовать такого рода целенаправленные усилия здешнего этнического конгломерата, получившего позже название “готоаланы” по имени главенствующих в нем племен, могли только византийские власти, опиравшиеся на богатый опыт сотрудничества с военными союзниками – федератами и средства все еще обширного и достаточно могучего Ромейского государства.

Видимо, ко второй половине VI в. херсонесские баллистарии были уже заменены подразделениями регулярной армии, а Херсон превратился в провинциальный центр отдельного регионального командования в лице дука или дуки (*dux, doukas*) и, очевидно, рассматривался как составная часть соответствующей византийской епархии, в которую входили земли Юго-Западного, Южного и Юго-Восточного Крыма [Храпунов 2000, с. 62]. Уже само наличие дуки Херсона свидетельствует в пользу того, что здесь должна была существовать соответствующая ромейская провинция. Недаром именно так – епархией, то есть провинцией, назван Херсонес в ранневизантийском географическом трактате, в который были внесены интерполяции не ранее конца VI – VII вв. [Шангин 1938, с. 253, 255; ср.: Цукерман 1994, с. 560, прим. 47]. Составитель Житий семи мучеников Херсонских, очевидно, незадолго перед тем тоже писал о вхождении Херсона в состав “провинции Тавроскифии” (*tes Tauroskeython eparchias*) [Лавров 1911, с. 154, sec. 2]. Вероятно, подобным образом обозначалась соответствующая пограничная епархия, расположившаяся на крымских землях.

Должность дуки – военного наместника здешних владений Империи, подчиненного военному магистру, впервые упомянута в херсонесской строительной надписи времени правления Юстина II и Софии (565-578) [Латышев 1906, с. 122-123, № 37; Якобсон 1959, с. 67-68; Соломоник 1986, с. 213-214, № 4; Цукерман 1994, с. 560, прим. 45]. Скорее всего, фортификационные работы были организованы этим должностным лицом к концу правления Юстина II, когда власти оказались крайне встревожены стремительно нараставшей опасностью со стороны тюркютов и утигуров, захвативших в 575/576 г. Боспор. Как будут

развиваться дальнейшие события, ромей не знали, но у них были все основания готовиться к худшему. Спасти от бронированной конницы мог только надежный, грамотно устроенный “каменный щит” из укреплений, с которыми степняки не привыкли иметь дело. Обломок надписи, в которой шла речь о возведении новой куртины или башни, был найден у южной крепостной стены Херсона, и, очевидно, главные работы велись на этом важном участке обороны, защищавшем “цитадель” города и портовый район. Именно тут раскопками К.Э.Гриневича в 1927 г. прослежены следы мощной нивелировочной насыпи, которая датируется второй – третьей четвертью VI в. [см.: Голофаст 2001, с. 107-108, комплекс 4]. Источником камня для этого строительства могла быть открытая каменоломня в виде отвесно срубленной на разную глубину материковой скалы на протяжении 40 м, которая находилась неподалеку от башни Зинова (XVII), на месте загородного некрополя, в котором она повредила четыре позднеримских склепа⁴. Следовательно, общее направление прежней политики, проводимой ромейскими императорами в последней четверти IV–V вв. и способствовавшей интеграции города в состав Империи, усилению обороны важного заморского региона, сохранилось здесь после смерти Юстиниана I, более того – вступило в новую, активную, мощную фазу [ср.: IOSPE, I², 449; Ростовцев 1907, с. 5-12, № 2; Соломоник 1983, с. 28-30, № 3 (строительная надпись 370-375 гг. с упоминанием префекта претория Востока Домиция модеста, “отца города” с титулом *vir perfectissim*, а также неизвестного командира отряда баллистариев); IOSPE, I², 450; Латышев 1901, с. 56-59 (надпись 383-395 гг. с упоминание работ отряда “механиков” под руководством трибуна Флавия Вита и некоего Евферия); Латышев 1896, с. 7-15, № 7 (надпись 488 г. о даровании императором Зиновом денег на ремонт крепостных стен и о строительстве башни комитом Диогеном)].

В этом плане особенно показательна надпись 590 г., обнаруженная П.И.Сумароковым в 1803 г. в Тамани, сообщающая о “великих и удивительных подвигах”, очевидно, связанных с происшедшим незадолго перед тем освобождением Боспора от тюрок, о возобновлении здесь “великолепного царского здания” (*to lampron en bosporoos kaisarion*, в оригинале – *kesarion*) и о выполнении этого поручения “благочестивого (*eusebes*) и богохранимого нашего государя (*despotes*)” Маврикия (в тексте *Magrikis* вместо *Maurikios*) “через собственного своего раба (*genesios.doulos*) Евпатерия, славнейшего стратилата и дуки Херсона (*endoxotatos stratelatos kai doukos Chersonos*)” [Латышев 1894, с. 662-

⁴ К.К.Косцюшко-Валюжинич называл в качестве ориентира вырубку северо-западную сторону нижнего монастырского скотного двора. Он отметил, что в насыпи, образовавшейся позднее на месте этой каменоломни, были устроены девять грунтовых могил с одиночными труположениями без инвентаря, как это было принято в византийскую эпоху. Один из склепов, несмотря на поврежденный ход, тоже продолжал использоваться, на что указывает находка в нем среди разбросанных костей нательного бронзового крестика, “по-видимому, очень позднего” [Отчет за 1905 год, л. 36-37; Косцюшко-Валюжинич 1907, с. 112]. Следовательно, бытующее у некоторых исследователей представление об отсутствии каменоломен в Херсонесе ошибочно [см.: Болгов 2002, с. 98, 116].

672; 1896, с.105-109, № 99]⁵. Очевидно, выражением “собственный (истинный, природный, настоящий) раб” Евпатерий стремился подчеркнуть свою особую преданность и покорность императору, какую стало принято выражать византийским чиновникам перед лицом государя (*despotes, dominus*) [Латышев 1909, с. 212-217]. Показной, триумфальный характер надписи подчеркивали изображения двух Ник, которые в VI в. окончательно трансформировались в христианских ангелов и одновременно персонажи, прославляющие победы государя [ср.: Залесская 1998, с. 245].

Надо заметить, что речь шла именно о строительстве “кесарского” – имперского здания, возможно, дворца, а не о восстановлении некоего храма, культовой постройки, либо – в переносном значении – византийского правления⁶. Последнее формально не прекращалось здесь со времен если не императора Юстина I (518-527), то начала правления Юстиниана I (527-565), за исключением непродолжительных моментов, когда город оказывался в руках гуннов или тюркютов⁷. Но ромеи не предавали значения таким случайным, непродолжительным превратностям судьбы, смотря на здешние крымские земли как на законное и потому неотчуждаемое наследие, которое они пока еще не собирались делить с “варварами”. Недаром Иоанн Малала подчеркивал, что после событий, связанных с убийством гунского вождя Грода в Боспоре и ввода в город проконсула Иоанна с готским войском (*meta boetheias Gotthiaes*), кораблей с экзархом и солдат стратига Вадуария, “...был восстановлен мир в Боспоре, населенном ромеями” (выделено мной – С.С.) (*kai gegonen en eirene e Bosporos, upo Romaion oikoumene*) [Ioannis Malalae 1831, p. 433. 1-2 (XVIII)].

⁵ Б.В.Кёне необоснованно приписывал Евпатерию освобождение Боспора и других мест, занятых в Крыму тюрками [Кёне 1855, с. 44]. Как было сказано выше, последние покинули Боспор в результате успехов не византийского оружия, а дипломатов, добившихся заключения мира в 589/590 г., а также под влиянием внутренних неурядиц. Некоторая кратковременная стабильность в тюркском государстве наступила не ранее 598-600 гг., о чем сообщило посольство хагана, прибывшее в Константинополь [Феофилакт Симокатта, 1996, с. 188 (VII.7.7-9)].

Поэтому, надо полагать, подчеркивание “подвигов” носило в 590 г., скорее, идеологический характер, в духе обычной ромейской политической пропаганды.

⁶ По мнению А.И.Айбабина, “кесарионом” мог быть назван базиликальный комплекс VI в. с мраморными полами и архитектурными деталями, возможно, с крещальной купелью – резервуаром примерно 1х1 м, реконструированный боспорцами в районе церкви Иоанна Предтечи, в портовой части города [Айбабин 2001, с. 5]. Исследование сочетания циклов обнаруженной в слое керамики позволяет предполагать, что общественная постройка возникла в конце второй четверти VI в. и просуществовала до конца VI – начала VII вв. [Сазанов, Могаричев 2002, с. 475-483]. Однако надо учесть, что такого рода сооружения, если даже они не имели баптистерия, были связаны с литургической практикой, отвечали интересам Церкви, и это обстоятельство – обстоятельство особой святости, а не пышности (*to lampron*) постройки – не могло не оказаться отмеченным в строительной надписи на ней.

⁷ Жители Боспора были подчинены не позже 30-х гг. VI в. имперским “военачальникам”, среди которых был, судя по данным нарративных и эпиграфических источников, трибун, возглавлявший имперский экспедиционный отряд войск, в который, по данным Иоанна Малалы, входили “италийцы, называемые испанцами” [см.: Прокопий 1993, с. 36 (I.12.6-8), 93 (II.3.40); Прокопий 1939, с. 249 (III.7.12); Ioannis Malalae 1831, p. 431-432; Чичуров 1980, с. 51; ср. Васильевский 1878, с. 114 сл.; Кулаковский 1896, с. 5; Якобсон 1959, с. 34-35; Артамонов 1962, с. 88; Домбровский 1975, с. 443; Айбабин 1990, с. 68; 1991, с. 45; 1999, с. 94-97; Храпунов 2002, с. 253-254].

Дуки, как и комиты *rei militaris* – командующие частями регулярной армии, размещенными в отдельной провинции, были прежде всего начальниками войск пограничных округов или командирами укрепленных городов-крепостей, верховными представителями военной власти на территории того или иного пограничного округа, но иногда имели в своем распоряжении и регулярные контингенты полевых армий, то есть относились к высшему командованию военными силами епархий, тогда как, если говорить о стратилатстве только как о звании, чине, сане, “порядке” (*taxis, lamprois axiomasi*), оно соответствовало в VI-VII вв. сану апозпарха – отставного епарха, который прилагался к служащим ведомства префекта претория или префекта города в ранге сенаторского *cursus dignitatum* [Bury 1911, p. 23-24; ср. Латышев 1896, с. 670; Ostrogorsky 1936, S. 41-61; Durlat 1979, p. 306-320]. По своему уровню этот титул был близок к не очень высоким “степеням” ипата и отставного ипата, апоипата [Winkelmann 1985, S. 39].

Главными занятиями дуков были военное дело и военная служба. Скажем, из писем епископа Синезия следует, что в Киренаике всеми гражданскими делами, фискальными вопросами ведал презид провинции Геннадий, тогда как дука Анисий занимался вопросами обороны, налаживанием дисциплины в войске, в котором ранее “недисциплинированность солдат соответствовала жадности командиров”, а ныне, в 411 г., лучшая часть молодежи Киренаики встала под императорские знамена [Synesii 1863, col. 1364, 1460, 1576]. Как можно понять, должность дуки, как и должность презида епархии, покупалась при дворе за большие деньги, которые потом компенсировали за счет притеснения жителей провинции [Synesii 1863, col. 1392-1393, 1400].

Согласно “Стратегикону” Маврикия, в конце VI – начале VII вв. дука мог командовать отрядом (*moira*) числом от 2 до 3 тыс. человек, а если он был еще и стратилат, полководец (*magister militum*), тогда это означало, что он являлся одним из трех мерархов, а именно тем, который возглавлял среднюю меру (*meros*), и считался ипостратигом – вторым лицом после стратига [Das Strategikon 1981, I. 3-4; Durlat 1979, p. 307 sq.]. Вместе с тем, хронист VI в. Иоанн Малала совершенно определенно называл стратилатство саном. Он приводит случай, когда им был почтен комит и domestik [Ioannis Malalae 1831, p. 339. 9; Истрин (1913) 1914, с. 8 (XIII.1.1)]. Но тот же Иоанн Малала упоминает дукса Палестины (о *doux Palaistines*) и стратилата Армении (*stratelates Armenias*), причем и тот и другой в его описании несли военные функции, имели в подчинении военных людей [Ioannis Malalae 1831, p. 381. 5; 382. 15-16; 429. 17]. К слову, стратилату подчинялся и комит федератов – военачальник союзных войск [Durlat 1979, p. 312]. Это надо особо отметить, учитывая вполне вероятные тесные взаимоотношения херсонского стратилата Евпатерия с крымскими “энспондами” – союзниками Империи.

В представлении агиографов стратилат предстает как правитель ромейского города, вершитель гражданского правосудия (церковный суд олицетворял епископ), как судья, выносивший приговоры и отдававший приказы

о приведении наказаний в исполнение [Пайкова 1990, с. 56, 95, 100]. Из Жития Симеона Столпника (389-459), написанного его учеником Антонином в последней трети V в., следует, что подобные должностные лица занимались наведением порядка в окрестностях города, организовывали общественные торжества, обеспечивали перенос мощей [(Антонина) 1907, sec. 23, 28, с. 83-85]. И через двести лет в их компетенции бывали сугубо гражданские, финансовые, налоговые дела, как можно понять по печати 679/681 гг., которая принадлежала Косьме, стратилату и главному коммеркиарию таможенных складов и округов Еленопонта (stratilatou kai genikou kommerkiariou apothekes Elenopontou) [Лихачев 1924, с. 193, тип VI,1; Шандровская 1994, с. 181, кат. 268]⁸.

Скорее всего, мы имеем дело с многозначным понятием. Стратилат в значении “полководец” мог обозначать командующего армией, подчиненными ему военными командирами, а также командующего областью, мерой или фемой, но по своему положению соответствовал также должности *tribunus civitatis*, отчего в VI в. на него возлагались функции гражданского управления тем городом, куда он назначался военным комендантом [Grosse 1920, S. 148]. Дука тоже руководил войском и гражданской администрацией, назначал и смещал чиновников, командовал комендантами городов и крепостей (трибунами или комитами), хартулариями – военными администраторами, управлявшими отдельными частями дуката, контролировал действия судебных инстанций, ведал финансами и сбором налогов, следил за церковным управлением, организовывал епископские выборы [Бородин 2001, с. 74, 75]. Таким образом, он был военным командиром и одновременно имел весьма широкие и хлопотные административно-территориальные полномочия, соединял военную власть с гражданской, короче говоря, являлся военно-гражданским “губернатором” области. Все это вполне увязывается с политикой Юстиниана I и его ближайших преемников по сосредоточению гражданской и военной власти в провинциях в руках одного должностного лица [Jones 1964, p. 282-283; Vol. 2, p. 567]. Можно заметить, что дука Херсона, действовавший в правление Юстина II (565-578) вместе с неким светлейшим Феагеном (doukos Ch[ersonos... tou lamp[rotatou... Th]eag[enous]), тоже занимались общественными, скорее всего, фортификационными строительными работами в городе [Латышев 1906, с. 121-123, № 37; Соломоник 1986, с. 213-214; Айбабин 1999, с. 132]. Сочетание должности стратилата и дуки (stratelatou kai doukos), а также деятельность столь высокого чиновника одновременно в Херсоне и Боспоре позволяют полагать, что Евпатерий, упомянутый в надписи из Тамани, являлся представителем верховной власти Империи уже во всей Таврике, командовал как дука вооруженными силами Херсона и в то же время нес гражданскую службу, функции гражданского управления в разных центрах полуострова [Зубарь,

⁸ Как уже указывалось выше, звание стратилата соответствовало сану апоэпарха, который нередко имели главные коммеркиарии.

Сорочан 1998, с. 123-124]. Но, поскольку стратилатство стоит в надписи перед должностью дуки, это указывает, что последняя занимала более высокое место в административной иерархии⁹.

По предположению А.И.Айбабина, дука Херсона мог руководить строительством укреплений, размещением в новых крепостях гарнизонов из местных готоаланов, а также назначать (точнее, утверждать) управляющих – “простатевонтов” в крымские кастра и полисмы – крепости и городки, число которых только в Юго-Западной Таврике, если верить позднейшим данным Никифора, было не меньше двух десятков [Чичуров 1980, с. 156, 164; Айбабин 1990, с. 68; Айбабин 1999, с. 226.]¹⁰. В этом плане весьма показательным является моливдул из Парфенита второй половины VI – VII вв. с изображением Богоматери Никопеи с младенцем перед грудью и крестообразной монограммой на обороте, которая может быть раскрыта как “[печать] Константина дуки” [см.: Панченко 1906, с. 163, рис. 5]¹¹. Следует учесть, что Херсонес всегда стремился иметь у своих границ зависимое или полузависимое местное население и, если верить херсонским патриографам, задолго до строительства укрепленных кастра в ранневизантийской Юго-Западной Таврике, в конце III – начале IV вв. располагал некими “соседними крепостями” (*ton plesiochoron kastellion*), из которых в случае нужды черпал войска [Константин Багрянородный 1989, с. 246, 247, гл. 53. 29]. Впрочем, это не исключало возможности разделения власти дуки с архонтами Херсона и начальствующими прочих местных, наиболее крупных и важных городов и поселений полуострова. Так, во время восстания самарян в Палестине дукс этой провинции совместно с архонтом Палестины просил помощи у императора Юстиниана I [Ioannis Malalae 1831, p. 447].

Дуки осуществляли полномочия власти как над городом, так и над прилегающими территориями, границы которых обычно совпадали с границами церковного диоцеза, включавшего иногда несколько епархий [Diehl 1888, p. 6-23, 81-93 sq.; Mengozzi 1914, p. 145-215]. К примеру, ближайшие к Таврике дукаты с пограничными силами находились в Скифии и Нижней Мезии, на западном берегу Понта [Treadgold 1997, p. 245, map 7]. Это объясняет, почему в правление Маврикия (582-602) власть византийской высшей администрации распространялась вплоть до Боспора, что к тому же имело, судя по рассказу Константина Багрянородного о войне херсонесцев с боспорским царем

⁹ Примечательно, что отечественные историки поначалу интерпретировали Евпатерия как “полководца и начальника Херсона” и лишь позже стали разделять термины “стратилат” и “дукс” как ранг и должность, что надолго утвердилось в историографии [ср.: Кёне 1855, с. 44; Бертье-Делагард 1893, с. 85; Бобринский 1905, с. 94; Шестаков 1908, с. 12].

¹⁰ Видимо, добавление Южного берега Крыма увеличивало их число вдвое. Не случайно Вильгельм Рубрук в 1253 г. писал в донесении о сорока замках, что существуют “между Керсоной и Солдайей” (Херсоном и Сугдеей) [Плано Карпини 1911, с. 68], а городище на плато Чуфут-Кале сохранило с того же времени воспоминание об этом в своем татарском названии – Кырк-Ор (“Сорок замков”).

¹¹ Подобная интерпретация моливдула предложена Е.В.Степановой, но полной аналогии ей подобрать не удалось.

Савроматом, какие-то давние исторические обоснования¹². Об этом контроле может свидетельствовать и текст ранневизантийского трактата из собрания ГИМ, в котором упоминается “Таврический Херсонес с Кафой и Симболон” как одна из европейских римских провинций – эпархий [Шангин 1938, с. 252-255]. В данном случае под Кафой следует понимать западные пределы Боспора – сельскую территорию, простиравшуюся от предгорий Крымских гор, вероятно, до Акмонайского перешейка [Катюшин 1998, с. 50-51]. М.А.Шангин датировал трактат концом IV в., но упоминание в нем Рагузы позволяет сдвинуть составление источника ко времени не ранее середины VI в. [Цукерман 1994, с. 560, прим. 47]. Тогда становится понятным появление эпархии, охватывавшей побережье Крымского полуострова от Херсона до пределов Боспора, и ее последующая трансформация в византийский дукат. Это согласуется с данными об установлении контроля над последним со стороны стратилата и дуки Евпатерия, что произошло, очевидно, около 588-590 гг.

В условиях византийского присутствия в этом крайнем восточнокрымском городе со второй половины VI – начала VII вв. развернулось производство пальчатых фибул керченского типа и типа “Аквилея”, а также пряжек со щитками, отлитыми с изображением головы орла или сокола, которые вывозились не только в Херсон и центры Юго-Западной Таврики (Эски-Кермен), но и Поднепровье [Айбабин 1990, с. 70-71; 2002, с. 5-8]. Новая концепция истории позднеантичного Боспора, предложенная А.В.Сазановым, позволяет говорить о том, что в постюстиниановское время его развитие шло по византийской модели и Боспор остался частью ромейского мира. По мнению автора концепции, история ромейского Боспора завершилась только в конце VII – первой половине VIII вв. с приходом хазар [Сазанов 1991, с. 25; 1999, с. 39-40; ср.: Айбабин 1990, с. 185-187], что, однако, не исключает и в последующем сохранения значительного византийского влияния в этом греческом в своей основе городе [см.: Сорочан 1998, с. 41-46, прим. 120; Наumenко 2000, с. 96-105; Сазанов, Могаричев 2002, с. 501].

Уже к середине VI в. в Горном Крыму была создана оборонительная система из “больших (высоких) стен” или “длинных стен” (*teichismasi makrois*), как называл эти укрепления Прокопий Кесарийский [Procopii 1964, III.7.13-17]. Видимо, они закрыли стратегически наиболее важные клисуры, проходы (*tas eisodous*) – крупные балки, ущелья, по которым со стороны степи или с побережья можно было попасть в Юго-Западный Крым и, самое главное, на плато Мангупа – центр “страны Дори” [Фирсов 1979, с. 106-113; Зубарь, Сорочан 1998, с. 121;

¹² После последней, третьей, херсоно-боспорской войны в 340-е гг. протевон “страны херсонитов” Фарнак передвинул пограничные знаки (*orothesia*s) от мест, называемых Кафа (Καφα) до Киверника (Κυβερνικο) – Киммерика, очевидно, до пересечения Керченского полуострова Узунларским валом [Константин Багрянородный 1989, с. 254-259, гл. 53. 169-227]. Раскопки подтверждают, что на этом рубеже в первой половине IV в. было проведено обновление оборонительной системы как следствие передвижения границы [Ланцов, Голенко 1999, с. 177-181].

Герцен 2001, с. 261-263; ср.: Мыц 1991, с. 69-70]. Особенно наглядно следы таких двухпанцирных стен, сложенных не позже середины VI в. из крупных известняковых блоков с забутовкой на известковом растворе с примесью песка и гальки, прослеживаются у подножья Мангула, в балке Каралез, и к северу от Эски-Кермен, поперек ущелья Текме-таш [Сидоренко 1991, с. 114-115; Мыц 1991, с. 69]. Судя по описаниям Эвлии Челеби, некая древняя стена, создание которой он приписывал татарам, перегораживала ущелье Салачик недалеко от Бахчисарая [Эвлия Челеби 1996, с. 95-96]. Кроме того, такие *teichismasi makrois*, очевидно, стоившие дешевле оборудования крепостей, целесообразно было бы сооружать поперек наиболее населенных, плодородных речных долин, но следы их здесь особенно трудно отыскать: активная человеческая деятельность давно обрела готовый строительный материал на переработку.

На южном берегу, в Гурзуфе на скале Джаневез Кая и в Алуште на вершине холма в 200 м от моря, продолжительное время сохранялись воздвигнутые тогда же, хорошо укрепленные византийские пункты, сторожевые посты – “фруры Алустон и в Горзувитях”, следившие, разумеется, не за степью, а за крымским побережьем, морем и, вероятно, реанимировавшие старую римскую систему контроля за каботажным плаванием, особенно между Херсоном и Боспором [Росоріі 1964, III.7.11; ср.: Амброз 1994, с. 64; Могаричев 2000, с. 96]. Следует подчеркнуть, что и то, и другое, наряду с ремонтом оборонительных стен Херсона и особенно Боспора, было проделано до конца 50-х гг. VI в. и, вероятно, осуществлялось параллельно одно другому. Взаимосвязь или какие-либо этапы здесь трудно уловить: общестратегический план, если таковой существовал, зависел от финансирования строительства, весьма нерегулярного.

Конец правления Юстиниана и его ближайших преемников, надо полагать, преимущественно Юстина II (565-578) и Тиверия II (578-582), вплотную столкнувшихся с тюркской угрозой, прошел в Крыму, очевидно, под знаком совершенствования этой системы обороны. Прежняя рассеянная система линейной защиты, устроенная по отдельным ущельям, балкам, долинам, показала свою слабую пригодность в новых условиях, когда пришлось иметь дело с крупными конными отрядами противника, способного заполнить все окрестности и отважиться не просто на набег, а на долговременную оккупацию территории. Поэтому рядом с “большими стенами” на возвышенных плато Второй гряды, предназначенными служить убежищами, начинают строиться опорные крепости, где, наряду с наземными фортификационными сооружениями, прямо в скале, на вершине обрывов вырубают наблюдательные пункты, склады, ямы-зернохранилища, подсобные помещения. Эти надежно укрепленные самой природой и людьми ключевые форпосты лишали врага стратегического преимущества, даже если он прорывался на одном из участков обороны, причем не только со стороны побережья, как это было прежде. Кроме того, они обеспечивали более надежную защиту окрестного мирного населения и византийских федератов из области Дори, которые отныне получили

возможность укрываться за их стенами в случае внезапных появлений конных вражеских отрядов и дожидаться их ухода.

Таким образом, анализ общеимперской военно-политической ситуации позволяет думать, что рывок в оборонительном строительстве в Юго-Западном Крыму должен был прийти не на конец правления Юстиниана, 50-е – первую половину 60-х гг., когда оно, видимо, только началось на плато Мангуп¹³, а на конец самостоятельного правления Юстина II и начало кесарства Тиверия (с 574 г.). Действительно, до этого времени, в 527-541 гг. и в преддверии ирано-византийской войны за Колхиду (середина VI в.), основные усилия византийцев в Причерноморье были сосредоточены на оборонительном строительстве абазгских, апсильских, мисимианских, лазских укреплений для защиты перевальных путей, прикрывавших владения Империи от набегов через горы с севера и с востока, от персов, и позволявших контролировать связи побережья с Северным Кавказом¹⁴.

Тюрки как новая могущественная сила появились на исторической арене только к началу середины VI в., когда началась их консолидация и движение на Запад. В зоне интересов Византии они оказались к 562 г., разгромив савир и хазар, а в 563-567 гг. – государство эфталитов, захватили Согд, причем основное внимание завоевателей, как известно, было обращено на закрепление побед в Средней Азии. Овладев выходом в степное Предкавказье, тюрки в 60-80-е гг. направили основной удар на низовья Кубани и Терека, на короткое время покорили алан, установили контроль над Приазовьем. В 568 г. они уже вступили в военный союз с Византией против Дербента, стремясь подчинить Каспийский проход – эту воронку, втягивавшую все народы с востока, но через три года восстановили мир с основным на тот момент противником ромеев – шахом Сасанидского Ирана. В 580 г. тюркские конные армии громили Колхиду. Вот в этот сравнительно короткий промежуток времени, связанный с глобальным изменением ситуации в причерноморской степи, накануне последующих неурядиц, постигших каганат к концу VI в., и должна была появиться у византийских властей Таврики насущная, острая необходимость реанимировать

¹³ На это указывает известная, остающаяся до сих пор уникальной для всех прочих кастра Юго-Западной Таврики находка Р.Х.Лепером в 1913 г. фрагмента надписи с упоминанием “автократора Юстиниана”, которая оказалась на части известняковой плиты (0,47 x 0,23 x 0,07 м) среди камней, вторично использованных в качестве стройматериала при устройстве одной из могил с левой стороны центрального нефа большой мангупской базилики [Производство... 1918, с. 74-75; Латышев 1918, с. 18-19, рис. 1; Якобсон 1959, с. 197; Тиханова 1953, с. 386]. Предложенная А.Ю.Виноградовым ее интерпретация и датировка позволяют считать, что с учетом строительной политики Византии в Северном Причерноморье и отсутствия упоминания о строительстве на Мангупе у Прокопия в трактате “О постройках”, написанном к 560/561 г., сооружение неких военных объектов могло вестись здесь не ранее 562-563 гг. Это вполне соответствует указанному в надписи XI индикту [Виноградов 2001, с. 70-71].

¹⁴ В VII-VIII вв. большинство этих крепостей, представлявших звенья общеколхидской системы обороны ущельных проходов (клисур), утратили свое значение, а вдоль Клухорского перевального пути возник ряд крепостей иного характера [см.: Воронов 2002, с. 338].

предшествующую кампанию оборонительного строительства и, вместе с тем, напрягая все силы, вывести ее на иной, более высокий, чем прежде, уровень. Ситуация была такова, что не могла не встретить понимание и поддержку местного населения, заинтересованного в своей безопасности перед лицом неотвратимо надвигавшейся серьезной угрозы, которой ничто не предвещало скорый конец.

Есть веские основания полагать, что квадратная кладка некоторых участков стен крепости на Эски-Кермене, расположенной в 12 км от Херсона, была сооружена не ранее второй половины – конца VI в., причем это было сделано с учетом опыта византийской фортификации [Шмит 1932, с. 213-254; Айбабин 1983, л. 25; Наследова 1986, с. 12; Айбабин 1987, с. 13; 1990, с. 68; 1991, с. 44-45; 1999, с. 114, 143]¹⁵. Особенно показательна в этом плане сложная система предвратных укреплений около южных, основных ворот крепости, которые прикрывала выстроенная углом протехисма с башней и высеченные по сторонам боевые казематы (№ 1 и № 4). Подъемная решетка-катаракта предшествовала полотнищам ворот, коридорообразный проход за которыми в случае осады закладывали камнями [Репников 1932, с. 123].

Видимо, густота населения в этом районе была такой, что одного укрепленного убежища показалось мало. Надо было обеспечить фортификацией политический центр страны Дори. Поэтому рядом, на расстоянии всего лишь 5 км от Эски-Кермена и, очевидно, тогда же, в последней трети VI – VII вв., было начато одно из самых внушительных фортификационных предприятий – на труднодоступном плато Мангуп, на высоте свыше 580 м над уровнем моря была воздвигнута “цитадель”, занявшая около 4,5 га оконечности восточного мыса Тешкли-Бурун. От нее сохранились ряды вырубков в скале – постелей на северной оконечности мыса, а также полувырубные пещерные сооружения, вероятно, дозорно-оборонительного характера [Могаричев 1997, с. 56-59]. Здесь, у важного участка дороги, огибавшего скалу и ведущего к главным городским воротам, уже в раннее средневековье могло существовать сторожевое помещение [Могаричев 1997, с. 75]. От “цитадели” затем была продолжена внешняя главная

¹⁵ Типичным для ранневизантийской фортификации сооружением здесь является вырубленный в скале осадный колодец, вдоль ствола которого следовали на большую глубину, вплоть до водоносного слоя, шесть маршей вырубленной в скале лестницы (ср. описание системы водоснабжения ромейской горной крепости Барас [Прокопий 1939, с. 231-232, II.IV.22-24]). В мирное время вода поступала на городище из источника в балке Бильдеран по водопроводу из гончарных труб, длиной каждая 0,4-0,42 м, муфтообразные стыки которых были обильно промазаны крепким известковым раствором, что находит полные аналогии в водопроводных системах раннесредневекового Херсона [Репников 1932, с. 132]. Раннесредневековое название крепости неизвестно. Л. Колли полагал, что Эски-Кермен значился как Воеоп в атласе, созданном в 1570 г. известным антверпенским географом и путешественником Авраамом Ортелием (1527-1598). В словаре названий местностей, прилагаемом к атласу, было сказано, что это oppidum mediter ganeum Tauricae Chersonesi, то есть укрепление в средней части Таврики – весьма расплывчатый ориентир [Колли 1910, с. 26]. По мнению А.Г. Герцена, Эски-Кермен фигурирует в письме хазарского царя Иосифа под названием Кут [Герцен 1988, с. 22].

линия оборонительных сооружений обширной крепости, предназначенной для федератов Византии и наиболее уверенно отождествляемой с раннесредневековым Доросом (Дарасом), которая не имела себе равных в раннесредневековой Таврике: в ее стены, особенно мощные в ущельях-клинсурах между мысами, в конечном итоге было уложено около 15 тыс. м³ камня; защищенная территория охватила около 90 га, а искусственно созданные оборонительные рубежи с тенальными углами, преградившие балки и местами проходившие по вертикальным обрывам 70-метровой высоты, протянулись почти на 1500 м (при общей протяженности обвода около 7 км) [Якобсон 1949, с. 55-64; Герцен, № 2385, л. 26; 1984а, с. 12-13, 16; 1990, с. 131-133; 1995, с. 73-74; Айбабин 1999, с. 119, 143, 145; Герцен, Науменко 2001, с. 128]. Для такой крепости не показалось бы большим числом и 2000 защитников – состав немалого византийского отряда – фемы [Могаричев 1997, с. 98; Герцен 2003, с. 17]. Фортификационный комплекс на подступах к Херсону, заложенный в ранневизантийский период, был построен столь грамотно, искусно, что все остальное время оставался практически неприступным¹⁶.

Имеющиеся аналогии и археологические материалы, правда, незначительные, позволяют предположить, что первоначальные оборонительные сооружения на плато Чуфут-Кале (20 км к северо-востоку от Мангупа и Эски-Кермена) в районе мыса Бурунчак и Старого города, а также укрепления соседнего небольшого “пещерного” городища Тепе-Кермен площадью 1,4 га (в 6 км к юго-востоку от Бахчисарая), построенные рядом с границей византийских владений в Таврике, тоже носят следы ромейского влияния и могут быть отнесены ко второй половине – концу VI-VII вв. [Могаричев 1991, с. 52-60; 1992, с. 72-73; 1997, с. 86; Герцен, Могаричев 1993, с. 22-23; Айбабин 1999, с. 145]. Примечательно, что “пещерный” базиликальный храм с баптистерием на Тепе-Кермене, судя по выразительным особенностям литургического устройства (отсутствие професиса, темплон в виде прямоугольной выгородки, плиты-экраны с ранними “византийскими” крестами, неглубокая крестовидная купель), мог быть сооружен уже в VI-VII вв. [Гайдуков 2003, с. 17-18]. Позже, вероятно, с IX-X вв., городище Тепе-Кермен стало своеобразным церковным центром округа [Петровский 2002, с. 81-98].

Во второй половине VI в. (после 555 г.) была построена небольшая крепость площадью 1,5 га на юго-западной части Монастырской скалы, отроге Мекензиевых гор в Инкермане¹⁷. С трех сторон скала ограничена высокими, до 70 м, обрывами в Монастырскую балку, долину р. Черной и балку Гайтани

¹⁶ Он доказал свою боеспособность во время турецкой полугодовой осады Мангупа в 1475 г., ставшей для опытного, поднаторевшего в многочисленных боевых кампаниях противника с мощным осадным артиллерийским парком, одной из самых тяжелых и продолжительных военных кампаний XV в. [подр. см.: Герцен 2001а, с. 366-387].

¹⁷ А.Л.Якобсон и Е.В.Веймарн относили строительство крепости к правлению Юстиниана I [Якобсон 1959, с. 26, 124], однако результаты последних исследований заставляют склониться к

(Первомайскую). Поэтому для защиты крепости, способной укрыть до 3-4 тыс. человек и разместить на стенах и башнях 500-600 воинов, требовалось сооружение оборонительной линии только с напольной стороны, с севера и востока [Филиппенко 1997, с. 20]. Устье р. Черной около впадения ее в Севастопольскую бухту являлось идеальным местом для строительства кастрона, который находился бы на перекрестке дорог, идущих из степей и предгорий Крымского полуострова в Херсон, а также оказывался на пути неприятеля с наиболее угрожаемого направления – с северо-востока [Филиппенко 1997, с. 8-9]. Поблизости находились и другие укрепления меньшего размера. Одно из них, впоследствии разобранное до основания, было на мысу северного обрыва Каменоломной балки, а другое, площадью около 0,5 га, со стенами, башней – на Загайтанской скале [Филиппенко 1997, с. 53]. Можно согласиться с В.Ф.Филиппенко, отдавшим много лет исследованию Инкерманской крепости, что уж коли византийские власти заботились об укреплении дальних подступов к Херсону, то вряд ли оставили бы без внимания ближние подступы, наиболее стратегически важные [Филиппенко 1997, с. 11-12].

Среди сделанных здесь находок присутствует керамика V-IX вв., обломки амфор с частым гребенчатым рифлением, бороздчатых амфор, венчик пифоса V-VIII вв. с прочерченной по глине монограммой из двух греческих букв “Р” и “П”, причем обращает внимание непрерывность этого материала [Савеля, Филиппенко 1985, л. 18-20, рис. 25,а; 27; 28; 29,а-г; 30; Филиппенко 1986, л. 17, 22, рис. 42,а; Филиппенко, Сенаторов 1988, л. 23, рис. 23].

В.Л.Мыц полагал, что первоначально византийское укрепление на Монастырской скале состояло из одной башни (№ 3) и двух напольных куртин, сходящихся к ней под углом, и что до VIII в. это укрепление дважды перестраивалось [Мыц 1991, с. 136]. Раскопки, проведенные В.Ф.Филиппенко в 1984-1988 гг., позволили уточнить, что первая крепость состояла из четырех башен (№№ 1, 3, 5, 6), соединенных тремя куртинами шириной 2,3-2,4 м и общей длиной 234 м, которые прикрывал вырубленный в скале ров шириной до 9 м и глубиной до 3,7 м [Филиппенко 1997, с. 15-20; 1986, л. 8-10 (расстояние от башни № 3 до западного обрыва скалы 82 м и до башни № 5 – 94 м, а от башни № 5 до южного обрыва – 58 м)]. Кроме того, судя по подрубам скалы, вдоль западного и южного обрывов шла невысокая стена толщиной около метра. После ее разрушения здесь была устроена какая-то ограда, от которой сохранились отверстия для столбов [Филиппенко 1986, л. 18-19; 1987, л. 6-8].

От первого строительного периода также осталась заложенная позже боевая калитка около башни № 3 и полукруглая в плане подрубка материковой скалы диаметром 15,7 м около башни № 5 [Филиппенко, Сенаторов 1988, л. 3-4].

мнению о ее более позднем возникновении, близком к хронологическому ряду укреплений на Мангупе, Эски-Кермене, Тепе-Кермене и Чуфут-Кале [Мыц 1991, с. 136; Филиппенко 1996, с. 143-146; Айбабин 1999, с. 145-146].

Очевидно, тогда же, в 8 м от западного обрыва Монастырской скалы был вырублен, почти такой как на Эски-Кермене, осадный колодец уникальной глубины – не менее 60 м, до уровня воды в р. Черной [Филиппенко 1997, с. 47-48]. Кроме того, крепость и находящаяся рядом с ней слобода получали воду по устройшему византийскими инженерами водопроводу из хорошо обожженных гончарных труб, стыки которых были тщательно промазаны раствором высококачественной извести. Свое начало водопровод брал у источника, расположенного в верховьях северного отрога балки Гайтани (Первомайской), примерно в 1,5 км, откуда вода поступала в кастрон в вырубленную в скале малую фильтрационную цистерну объемом около 4 м³ и большую водосборную цистерну объемом более 80 м³. Их поместили на самом высоком месте крепости и оштукатурили тщательно затертой в стены известью [Филиппенко 1997, с. 48-49].

Кладка Инкерманской крепости первого строительного периода состояла из хорошо обработанных и подогнанных друг к другу очень крупных блоков известняка, уложенных в соответствии с византийской строительной техникой на подрубленные в скале “постели”. Способ обработки и укладки таких больших блоков был хорошо известен местному населению, судя по таврским мегалитическим кладкам, кладкам “каменных ящиков” и башням в сельских усадьбах на хоре Херсонеса. Забутовка между панцирями была выполнена из рваного камня, а в качестве связующего раствора применена известь с примесью песка [Савеля, Филиппенко 1984, л. 4-10, 19; 1985, л. 4-8, 11-13; Филиппенко 1986, л. 4-5, 8-10, 18-19; 1997, с. 13-14]. Совершенно аналогичную двухлицевую кладку с забутовкой из разных камней на известковом растворе, сочетающую византийский характер планировочных решений с местными строительными приемами, можно видеть в раннесредневековых оборонительных стенах Херсона, Мангупа, Эски-Кермена и Чуфут-Кале. В таком виде крепость просуществовала, по мнению В.Ф. Филиппенко, до начала XV в., когда произошла новая перестройка. Такова же кладка первой стены “цитадели” на высоком плато Бакла – самой северной укрепленной точки византийской обороны в Юго-Западном Крыму, которая едва ли могла быть сооружена ранее конца VI столетия [Айбабин 1999, с. 114-119, 145].

Особенно ярко видно византийское строительство на примере сравнительно хорошо сохранившейся Сюйренской (Сюреньской) крепости, расположенной на скалистом мысе Куле-Бурун над левым берегом р. Бельбек (севернее Мангупа, в 1 км к югу от с. Малое Садовое) [Кеппен 1837, с. 291-294; Мыц 1991, с. 135 (там же библиография)]¹⁸. Отсюда было удобно контролировать один из важнейших горных проходов второй гряды Крымских гор, откуда открывался путь к Доросу и Херсону [Якобсон 1973, с. 11, 28]. Как заметил уже П.И. Кеппен, это было составное звено в ряду крепостей и других мест, которые,

¹⁸ Непонятно, почему Ю.М. Могаричев помещает Сюйрен рядом с м. Ай-Тодор: между тем и другим пролегла Яйла [ср.: Могаричев 1997, с. 78].

начиная от Балаклавы, почти прямой линией шли по направлению к северо-востоку (Инкерман, Мангуп, Чуфут, Бакла, Керменчик и др.) [Кеппен 1837, с. 295]. Кладка стен ее двух куртин общей длиной 110 м, отгораживавших 300-метровую вытянутую оконечность мыса площадью около 1,7 га, как и круглой двухэтажной башни, высотой около 12 м и внешним диаметром 8 м, с парапетом и мерлонами, расположенной на стыке куртин рядом с боевой калиткой и сводчатыми воротами, очень близка кладке стен ранневизантийских крепостей Подунавья (два панциря квадров в системе чередования тычков и ложков с забутовкой между ними на известковом растворе с песком, уложенные местами на вырубленные в скале “постели”) [Репников, Веймарн 1935, с. 115-125, рис. 80-81; Якобсон 1959, с. 120, рис. 40-43; Талис 1972, с. 217-229; 1974, с. 109-110; ср.: Овчаров 1982]. На это же указывает круглая форма башни с бойницами на этажах (более поздние византийские башни делали чаще всего прямоугольными или квадратными). А.И.Айбабин, ссылаясь на отсутствие на мысе Куле-Бурун находок керамики ранее второй половины VIII в. и на сходство с херсонскими и другими византийскими кладками оборонительных куртин и башен, возводившихся с IX в., относил создание здешних крепостных сооружений ко времени образования фемы Климата в Юго-Западном Крыму [Айбабин 1999, с. 218]. Однако следует обратить внимание, что уже Н.И.Репников предлагал датировать их “послеюстиниановской порой”, VI-VII вв., а А.Л.Якобсон подчеркивал схожесть здешнего типа кладки из хорошо отесанных квадров по системе чередования ложков и тычков с кладкой раннесредневековых стен Мангупа, когда “совпадают даже размеры блоков и высота рядов” [Репников 1932а, с. 205; Якобсон 1959, с. 120; 1964, с. 11; ср.: Воронин и др. 1979, с. 313]. Последний заметил сходство кладки Сюйрена с кладкой южной пристройки к баптистерию, входившему в комплекс Уваровской базилики, который, судя по последним уточненным данным, не мог быть построен раньше последней трети VI в. [Якобсон 1959, с. 118; ср.: Завадская 1997, с. 304-305]. Тонкость же культурного слоя на плато, где стоит крепость, ни о чем не говорит, поскольку поначалу оборонительное сооружение использовалось как убежище, от случая к случаю, и, очевидно, непродолжительное время, а в условиях, сложившихся в Таврике в VIII в., вообще могло оказаться невостребованным до тех пор, пока к концу IX в. вновь на некоторое время понадобилось византийским фемным властям¹⁹. Примечательно также, что у подножья плато уже с VII в. существовало поселение, возникновение которого, как и в случае с поселением у Эски-Кермена, могло быть связано со строительством крепости [Омелькова 1986, с. 284-285].

Не все ясно в отношении Алустана. Считается, что эта небольшая по площади (0,25 га), но хорошо укрепленная мощными, толщиной 2-2,8 м, стенами сторожевая приморская крепость была покинута ромейским гарнизоном в связи

¹⁹ Судя по результатам последних раскопок, крепость только в XIII-XIV вв. стала небольшим городком с плотной застройкой и с загонem для скота [Мыц 1991, с. 135].

“с появлением и укреплением на полуострове в VII в. власти хазар” [Мыц 1992, с. 175]. Но, во-первых, если это и произошло, то не могло случиться ранее конца VII – начала VIII в., до тех пор, пока крымские земли входили в состав византийского дуката или архонтии, а во-вторых, здешние слои VI-VII вв. не несут ожидаемых следов пожара или разрушений²⁰. По мнению В.Л.Мыца, “гарнизон крепости заблаговременно оставил Алустон, разрушив, вероятно, только некоторые внутрикрепостные строения и забрав с собой все ценное и необходимое имущество”. Однако подобные действия были не в практике византийцев, старавшихся сделать непригодными укрепления, которым грозил переход в руки врага. В таких случаях следовало разрушать не “отдельные внутрикрепостные строения”, а сами оборонительные стены и башни фруры Алустон, вопреки логике происходящего оставшиеся не тронутыми. Малому же количеству фрагментов керамики можно найти и другое объяснение – обычная, нормальная жизнедеятельность не способствовала такого рода скоплениям, они удалялись вместе с прочим бытовым мусором. Подобную маловыразительную картину демонстрируют и раннесредневековые слои Херсона, образовавшиеся после значительных строительных нивелировок второй половины VI – начала VII вв. [Романчук 1994, с. 11].

Наличие еще одного приморского укрепления позволяет подозревать находки византийских монет V-X вв., фрагментированной массовой керамики, в том числе, амфор с характерным гребенчатым орнаментом, которые были обнаружены во время разведок и раскопок экспедиции Национального заповедника “Херсонес Таврический” и Харьковского национального университета в 1996-2001 гг. на южной оконечности горы Кастель в Балаклаве, где в свое время генуэзцами были возведены так называемый Консульский замок и одноапсидная церковь св. Николая²¹. Обломки раннесредневековых амфор с зональным рифлением, амфор-корчаг, черепицы встречаются среди подъемного материала в ближайших окрестностях [Савеля, Филиппенко 1992, л. 12-13]. Скалистая, громоздящаяся обрывами гора над входом в Балаклавскую бухту, или, как ее называли греки и римляне, гавань, порт Символов (Symbolon limen,

²⁰ Результаты раскопок 1984-1990 гг. на месте Алустана позволяют выделить строительные периоды VI-VII, VIII-IX и X вв., а в VIII-IX вв. укрепление на вершине холма служило цитаделью городища, которое образовалось вокруг крепости [Мыц 1992, с. 172, 175]. В X в. здесь строится небольшой храм. Остатки жилья IX-X вв. открыты и на поселении близ фруры в Горзувитах [см.: Якобсон 1964, с. 77]. Следовательно, жизнь не прекращалась здесь в течение всего раннесредневекового периода.

²¹ Пользуясь случаем выразить благодарность Н.А.Алексеевко и С.В.Дьячкову за любезное разрешение познакомиться с этими неопубликованными материалами экспедиции. Среди найденных здесь монет только один херсонесский дупондий II в. н.э. и тетрассарий I-II вв. Зато в своеобразной “случайной выборке” присутствует монета Льва I (457-474), полуфоллис Маврикия Тиверия (582-602), античная, с надчеканкой “христограмма” VII в., литая херсонская монета Василия I (867-886) и такая же Романа I (919-945). Последней по времени является литая херсонская монета с монограммой “ро” [ср.: Алексеевко 1999а, с. 370-371]. Со слов В.Н.Мыца, среди обнаруженных в ходе раскопок Чембало в 2002 г. находок были медные монеты Ираклия и Василия I.

Symbolum limena, Symbolum portus), не подходит для поселения, которое могло существовать у подножья, в балке, недалеко от источников пресной воды (Кадис-Су, Охун) и на морском берегу, но зато полностью удовлетворяет требованиям для устройства фруриона, аналогичного южнобережным. Как и размещенный на холме в этом районе во второй половине II – первой трети III вв. римский кастеллум, византийское укрепление предназначалось, вероятно, не только для слежения за морем, но и за противником, который мог двигаться к Херсону с востока вдоль юго-восточной кромки плато Сапун-горы, по наиболее удобной дороге, выводившей на Гераклейский полуостров [ср.: Савеля 1997, с. 89-95; Зубар 1997, с. 168-171, рис. 5; 1998, с. 98-100; Сорочан, Зубарь, Марченко 2000, с. 104-118, Samowski, Savelja 2000, S. 13-34]. Очевидно, этим удобством связи объясняется, почему экс-император Юстиниан Ринотмет во время бегства из Фанагории к низовьям Дуная в 704 г. именно отсюда, из Символона (Symbolum), “послал тайно в Херсон” (aposteilas kryptos en Chersoni) одного из пливших с ним этайров за остальными немногими своими сторонниками [Чичуров 1980, с. 39, 155]. Следы связей обоих мест прослеживаются по обломкам колонн из розоватого мрамора из “Мраморной” балки и темного, почти черного песчаника из окрестностей Балаклавы, который служил сырьем для изготовления напольной мозаики херсонских церквей [Отчет 1895, с. 54; Бертье-Делагард 1893а, с. 31; Отчет за 1902 год, л. 5].

Итак, строительными работами фортификационного характера, особенно напряженными на протяжении нескольких десятилетий, было охвачено не менее семи отдельных больших (Эски-Кермен, Мангуп, Чуфут-Кале) и малых (Инкерман, Сюйрен, Тепе-Кермен, Бакла) укрепленных пунктов Юго-Западной Таврики. По мнению некоторых специалистов, здесь была создана единая регулярная оборонительная система лимесного типа, своеобразный *Limes Taugicus*, совпадавший с естественной границей “между средиземноморской и евразийской частями полуострова” [Шестаков 1908, с. 8, 9; Васильев 1927, с. 182; Тиханова 1953а, с. 324; Якобсон 1959, с. 26-27; Герцен 1997, с. 33-34; ср.: Талис 1961, с. 254-255; Оболенский 1998, с. 41]. Впрочем, с таким выводом трудно согласиться безоговорочно. Нетрудно заметить, что все перечисленные пункты представляли собой отдельные кастра, крепости-укрытия или укрепленные сторожевые посты – фруры, не составлявшие единого оборонительного комплекса. В их расположении не были предусмотрены ни несколько линий, ни “шахматный принцип”, свойственный, к примеру, Балканскому лимесу, который к тому же обладал гораздо большей плотностью²². Скорее, перед нами отдельные опорные пункты, убежища от кочевников на труднодоступных плато, расположенные почти в ряд один к другому и выполнявшие, видимо, роль

²² Во второй половине VI в. в Малой Скифии насчитывалось 30 кастра и укреплений, в Нижней Мезии – 66, в Гемимонте – 54, во Фракии – 36 [см.: Овчаров 1982, с. 163; Иванов 1984, с. 49-50; Сазанов 1999, с. 34-35].

форпостов, передовых укреплений, которые создавали неприятелю препятствия для неожиданного вторжения в пределы обитания готоаланов – союзников, федератов Империи, а если враг все же прорывался, оставаясь у него в тылу, грозили ударом и заставляли противника распылять силы [Зубарь, Сорочан 1998, с. 121; Сазанов 1999, с. 35]. Они были рассчитаны для организации защиты дальних рубежей Византийской империи, но это были границы конкретного изолированного анклава, охранять который в свое время пытались уже римские войска [ср.: Зубарь 2000, с. 52-60]. Стратегия возведения подобных передовых фрур на подступах к крупным городам, преимущественно на господствующих высотах, была хорошо известна и широко использовалась византийцами [Византийский военный трактат 2002, гл. 19, с. 301, комм. 78; гл. 20, с. 302]. К примеру, ее можно обнаружить на подступах к Фессалонике в конце VI – VII вв., где роль “крепостиц” (to phrourion) играли некоторые укрепленные пригородные монастыри и храмы, прикрывавшие с наиболее угрожаемых направлений самый большой ромейский город Балкан [Bakalopoulos 1983, s. 35-36].

Помимо строительства укреплений, проведению в жизнь политики византийской администрации способствовало начало создания в позднеюстиниановский период христианских базилик эллинистического типа с деревянным перекрытием и однефных храмов, подобных херсонским и боспорским, остатки мраморных капителей, алтарных преград, прочие архитектурные детали которых открыты в Инкермане, у южного обрыва Монастырской скалы, на Эски-Кермене, Мангупе, Чуфут-Кале, в долине р. Бельбек, у подножья горы Пампук-Кая, в верховьях балки Каралез, около фруры в Горзувитах и некоторых других местах [Боданинский, Засыпкин 1929, с. 175-177; Веймарн 1963, с. 81; Якобсон 1970, с. 121-132; Айбабин 1990, с. 45; Веймарн 1968, с. 60-61; Бертье-Делагард 1918, с. 37-40; Тиханова 1953, с. 337-338, 385, рис. 3; 42,6; Веймарн, Даниленко, Герцен 1974, с. 255; Герцен 1995а, с. 86; Бармина 1995, с. 79; 2003, с. 12; Сидоренко 1991, с. 114-115; Якобсон 1954а, с. 111-112; Лосицкий, Паршина 2002, с. 99-113]. Мангупская базилика, возведенная в центральной части плато, даже обнаруживает следы амвона в виде прямоугольника (Л.А.Моисеев непоследовательно именовал его то солеей, то амвоном), причем под ним находились могилы, в частности, ящикообразная, вырубная, где на заплечиках, поперек могилы лежали семь железных полос, поверх которых покоились двое погребенных, явно привилегированных, возможно, клириков, прах которых могли поместить в столь святом месте только с разрешения епископа²³. Новейшие архитектурные исследования позволяют датировать возникновение этих монументальных памятников преимущественно второй половиной VI – VII вв., а не более поздним временем, как иногда полагают

²³ При них были найдены два золотых колечка и остатки ткани с золотыми нитями [Производство 1918, с. 74, 76, рис. 110].

[Кирилко 1997, с. 89-97; ср.: Бармина 1995, с. 77-90; Паршина 1998, с. 36-59; Лосицкий, Паршина 2002, с. 99-113]²⁴.

Наиболее приемлемое объяснение для столь бурной, дорогостоящей созидательной деятельности видится не только в продолжении усиления обороны обширной области расселения федератов Византии в Юго-Западной Таврике, на главных подступах к “столице области” – Херсону, но и в стремлении распространить здесь ромейское влияние, а значит, быстрее интегрировать здешние племена и народы в состав византийского сообщества Империи [ср.: Герцен, Могаричев 1992, с. 190-191]. Федераты не были независимой, самостоятельной политической силой, только в своих интересах строившей для себя, своего господства опорные пункты-крепости. Романия, находившаяся тогда в зените своего влияния в Таврике, не допустила бы подобных сепаратистских тенденций и уж тем более не стала бы им потворствовать, направляя в помощь строителям крепостей своих специалистов [ср.: Филиппенко 1997, с. 12]. Между тем, общность черт конструкций, строительных приемов, планировочных решений, систем кладки, техники обработки всех этих сложных сооружений свидетельствует о реализации достижений позднеимперского военно-инженерного искусства, раннего ромейского строительства и не несет следов преемственности с позднескифской фортификацией [Герцен 1997, с. 33]. Несомненно, они строились местным населением под контролем византийской администрации, с привлечением византийских техников, военных инженеров, возможно, строительных артелей ремесленников – икодомов (*oikodomoí*) из Херсона, и их ромейский характер неоднократно отмечался специалистами [Якобсон 1964, с. 17, 25-26; 1973, с. 11, 28; 1974, с. 111; Талис 1974, с. 105; Герцен № 2385, л.26; 1984а, с. 6-17; 1995а, с. 85-86; Могаричев 1992, с. 112; Кирилко 1997, с. 90, 92]. О том же говорит использование единого с херсонскими христианскими храмами строительного модуля. Строительство это шло не один год, то замирая, то вновь активизируясь: слишком велик был масштаб работ. Если эта фортификационная деятельность и явилась “заключительным аккордом в создании кордонных оборонительных линий на границах Византии”, едва ли она могла быть вся осуществлена только за последние годы правления Юстиниана I, фактически за пять лет, поскольку Прокопий не включил ее в перечень строительных акций этого императора, предпринятых до 560 г., ограничившись сведениями о реконструкции оборонительных стен Боспора, Херсона и о возведении фрур на Южном берегу Таврики [Procorii 1964; Прокопий 1939, с. 203-298]. Лишь некоторые *teichismasi makrois* в “стране Дори” могли явиться предвестником

²⁴ В частности, следует обратить внимание, что Эски-Керменская базилика лишена жертвенника (професиса) и диаконника, характерных для литургии Двух Входов, утвердившейся к концу VI– началу VII вв. [см.: Хрушкова 2002, с. 402-403]. Значит, она могла быть построена незадолго перед ее введением или вскоре после, но до полного утверждения в VII в. Сделанное наблюдение применимо и к большинству ранневизантийских храмов Херсона, что демонстрирует примерно одинаковый и общий для них период наиболее массового строительства.

будущего грандиозного строительства в горном Крыму, затмившего Юстинианово. Возможно, отзвуком его относительной быстроты, поразившей современников, явилась одна из древних крымских легенд, донесшая из глубин веков рассказ о передовой мангупской стене – клисуре в балке Табан-Дере, которая якобы волшебством была создана за одну ночь для военачальника города [см.: Кондараки 1875, с. 91]. Другое дело, что эффективность этой оборонительной системы, в целом, оказалась невелика, как и в других районах Империи. Недаром ее никто не пытался развивать и поддерживать. К тому же историческая ситуация сложилась в дальнейшем в Таврике так, что долгое время, особенно в течение VIII в., постоянной надобности в военно-опорных пунктах, крепостях-убежищах не ощущалось, свидетельством чему стала их слабая заселенность в это время. Только к X в. на некоторых из них (Эски-Кермен, Тепе-Кермен, Бакла) начнется плотная застройка усадьбами, и они приобретут черты “малых городов”.

Происходившие в это время в Крыму процессы хорошо увязываются с теми, что шли в иных регионах Империи. Этнически Херсон оставался преимущественно греческим центром, и вывод о гуннско-тюркской прослойке в нем несостоятелен [ср.: Пятышева 1967, с. 184; Пиоро 1976, с. 96]. Погребальные сооружения с варварскими чертами составляли около 9% общего числа позднеантичных могил, к тому же речь может идти лишь об отдельных чертах, свидетельствующих о негреческом этническом происхождении погребенных²⁵. Даже редкие обладатели деформированных черепов, макрокефалы, возможно, из числа сармато-аланов, похороненные не позже VI-VII вв. в некрополе у куртины 1 западной оборонительной стены и около Карантинной бухты, обнаружены в типичных позднееримских склепах с нишами-лежанками или в вырубных гробницах, которые продолжали использовать для захоронения христиан, и сами могли быть христианами, судя по находке в инвентаре большой серебряной пряжки с крестом на прямоугольном щитке, бронзовой пряжки со щитком в форме креста, светильника-свечника в виде трубки на площадке и известнякового надгробия в виде креста [Белов 1953, с. 245-254, рис. 24; Зубарь, Рыжов 1975, л. 15, 17, табл. XXXII, 2, 5, склеп № 3; Отчет за 1905 год, л. 33; Косцюшко-Валюжинич 1907, с. 96, вырубная мог. № 1960 (наряду со свечником при костях, лежавших не в анатомическом порядке, находились еще три “лампочки без украшений, обычного типа”, глиняный одноручный кувшинчик и две такие же чашечки, лезвие небольшого железного ножа, несколько монет II-III вв., бронзовый браслет со змеиными головками, проволоочный детский браслет, три бронзовые пряжки от обуви, бронзовая подвеска в виде кольца, пастовые, янтарные, стеклянные

²⁵ По наблюдениям А.Л.Якобсона, в склепах, вырубных и грунтовых могилах, открытых за период раскопок с 1889 по 1911 гг., обнаружено только 33 погребения макрокефалов преимущественно ранневизантийского времени, причем одна из гробниц у южной оборонительной стены была обложена древнегреческими черепицами и, следовательно, могла относиться к гораздо более ранней эпохе [см.: Якобсон 1959, с. 256, прим. 2; Зубарь 1987, с. 97].

пронизи, пара бронзовых серег с 14-гранными пронизями, то есть набор вещей, вполне типичный для обычного позднеантичного или ранневизантийского погребения вполне греческого культурного облика); Отчет 1898, с. 176, 191, 196, склепы № 620, 797, рис. 552; Якобсон 1959, с. 256-257]²⁶. Три костяка макрокефалов оказались в склепе рядом с поминальной церковью – усыпальницей св. Василия к востоку от главного храма на территории комплекса Западной базилики – монастыря св. Леонтия Киликийского [Производство... 1893, с. 14; Якобсон 1959, с. 256, рис. 133; Сорочан, Зубарь, Марченко 2000, с. 643-650, 660-665]. Обломки лепных “грубых глиняных горшков”, как сказано в отчете К.К.Косцюшко-Валюжинича, и большая кольцообразная бронзовая серьга с привеской в виде 14-гранника, типичная для таких погребений, подчеркивают негреческий этнический облик покойных. Поэтому упоминание раба Божьего с необычным для херсонитов именем Гот в греческой надписи VI-VII вв. на закладной плите склепа № 4, обнаруженного в 1968 г. во время раскопок рва по соседству с монастырем, с внешней стороны 1-ой куртины, тоже могло быть не случайным совпадением с предыдущими находками [Антонова, Рижов 1972, с. 261-264; Яйленко 1987, с. 168, прим. 16].

Но в любом случае варварские погребальные комплексы теряются в массе могил, греческая принадлежность которых не вызывает никаких сомнений [Зубарь 1982, с. 118]. Поэтому мнение А.Л. Якобсона о наличии в раннесредневековом Херсоне заметного элемента в той или иной степени огреченного сармато-аланского населения не находит подтверждения [Якобсон 1959, с. 258]. Столь же натянутым, а по сути, утрированным является утверждение, что херсонесские склепы с нишами-локулами “использовали представители разных этнических групп”: на деле эти “представители” весьма редко были теми, кого ромеи относили к “инородцам”, “иноплеменникам” [ср.: Айбабин 1999, с. 49]. Данные антропоники, почерпнутые из херсонесских эпиграфических памятников VI-VII вв., главным образом, надгробных надписей, столь же непреложно свидетельствуют о безусловном и абсолютном доминировании имен, относившихся к общей греческой номенклатуре. Их носители не только говорили на греческом, то есть владели фонетически, но умели писать по-гречески, пусть с рефлексам разговорной речи, неуверенностью в определении долготы гласных, необычными огласовками, анаколуфами, грамматическими и синтаксическими ошибками, отступлениями от правил орфографии (особенно это касается замены эпсилон на иту и омеги омикроном, что, впрочем, стало обычным для ранневизантийской палеографии). Греческий язык, причем уже без доризмов, а койнэ с весьма незначительным числом латинизмов, оставался в городе официальным и разговорным языком [Соломоник 1973, с. 270].

²⁶ Такие пряжки стали изготавливать в Херсоне с середины VII в. [см.: Айбабин 1999, с. 130, рис. 51,1-2]. О свечнике см.: [Sorochan 2002, p. 114, fig. 1,1-3].

Зато в округе Херсона ситуация была несколько иной. Так, лепная керамика из могильников Юго-Западной Таврики позволяет говорить о преимущественно сармато-аланском населении региона в IV в. [Ушаков 1998, с. 153]. На Гераклейском полуострове, на восточном склоне Килен-балки открыты позднеантичные вырубные Т-образные склепы. Они имеют в качестве погребального инвентаря краснолаковую посуду, стеклянные украшения, остатки полотняных одежд, головных уборов, кожаной обуви, дощатые гробы, сбитые железными гвоздями, но локул нет, что свойственно традициям варварского населения [Савеля, Савеля 1994, с. 60-61]. Те же черты прослеживаются в усыпальницах в Хомутовой, Карантинной, Доковой, Юхариной балках. Вообще, преобладающим, массовым типом погребального сооружения в округе ранневизантийского Херсона были подбойные могилы с коллективными или одиночными захоронениями, в числе которых встречались костяки с деформированными черепами²⁷. Погребения макрокефалов известны в Инкермане, возле ромейской фруры Алустон, а в нижнем слое могильника Суук-Су рядом с фрурой в Горзувитах они составляют каждую пятую могилу, но зато не встречаются в склепах [Якобсон 1959, с. 257]. Недаром Захарий Митиленский в VI в. называл Херсон “областью, населенной варварскими и нецивилизованными людьми” [The Syriac Chronicle 1899, p. 79 (IV.11)]. Следовательно, с точки зрения образованного провинциального ромея, город потерял тот блеск греческой культуры и обычаев, который, по словам Плиния Старшего, прежде отличал его среди остальных пунктов западного побережья Таврики [Plin. NH. 85].

В V в. здесь оседают готы, и спустя столетие Прокопий Кесарийский пишет о них как об оседлых крестьянах и “энспондах” (enspondoi) – союзниках Империи. В V-VII вв. на Эски-Кермене наблюдается характерный готский тип склепов, известный по могильникам Суук-Су и Узень-Баш в Байдарской долине [Репников 19326, с. 179]. По мнению В.В.Кропоткина, могильник VI-VII вв. около Чуфут-Кале мог принадлежать уже смешанному алано-готскому населению [Кропоткин 1958, с. 212]. Впрочем, если верить Прокопию, крымские готы еще существовали как особый этнос. Материалы могильников показывают, что в это время здесь распространился специфический готский обычай ношения широких поясов с большой пряжкой и двух фибул [Айбабин 1977, с. 194]. Признаки готского этноса выделяются и в антропологических материалах, например, Эски-Керменского могильника, которые демонстрируют примесь северо-европейской долихокранной расы [Дебец 1948, с. 215-218]. Процесс ассимиляции сравнительно малочисленных готов и балтов сармато-аланами, вероятно, завершился лишь к концу VII в. [Айбабин 1977, с. 194], причем свою лепту в этот процесс внесло ромейское

²⁷ В могильнике из 18 вскрытых погребальных сооружений подбойными оказались 11, грунтовыми ямами – 3, склепами – 4; среди уцелевших семи черепов два были деформированными, то есть каждый третий-четвертый [см.: Борисова 1959, с. 169-190, особ. с.189].

воздействие, заставившее эти народы быстрее “терять свое лицо”. К примеру, нательные кресты и надгробные плиты с изображением крестов известны в Инкермане уже в VI-VII вв. [Борисова 1959, с. 190]. В окрестностях Херсона федераты были отчасти крещенными. Обращает внимание почти полное отсутствие в инвентаре многих погребений глиняной и стеклянной посуды, используемой для заупокойной пищи, а также наличие, пусть редких, бронзовых крестов и известняковых надгробий с изображением креста (могильники у высоты “Сахарная головка”, Суук-Су) [Репников 1906, с. 72, рис. 51; табл. IV, рис. 30 (в могиле с пряжками второй половины VII в.); Борисова 1959, с. 190].

Византия охотно принимала целые группы населения, такие как готоаланы, переходившие на ее сторону, и с помощью иноплеменников восстанавливала свою экономику, военный и демографический потенциал. Гибкость и терпимость по отношению к подобным инородцам обуславливалась уже тем, что официальная государственная доктрина не знала этнических предрассудков, ромейские власти не проводили насильственной эллинизации и почти не прибегали к принудительной христианизации. Впереди меча, как правило, следовали крест и ремесленные товары, причем надо учесть, что даже в своих миссионерских деяниях византийцы редко полагались на силу, принуждение и не знали предприятий, подобных франкским или германским крестовым походам против саксов, славян, прусов [Шевченко 1991, с. 15]. Главным было принять подданство императора и не нарушать римские законы²⁸. Дискриминации подвергались лишь иноверцы и еретики.

Судя по всему, крымские готоаланы, как ромейские союзники (*enspondoi*), то есть симмахи, и народ, подвластный императору (*katekooi*), в VI-VII вв. обязывались военной службой императору и могли выставять ополчение не менее, чем в 3 тыс. человек [Гросоріі 1964, III.7.13-14; Прокопій 1939, с. 248-249; Сидоренко 1991, с. 111; Айбабин 1999, с. 119-120]. Это указывает на условие получения ими земли, верховной собственницей которых формально считалась

²⁸ Византийские законы утверждали, что все, проживающие на ромейской земле, то есть обязанные налогами государству, являются ромейскими гражданами [*Basilicorum* 1846, XLVI,1]. Поначалу права римского гражданства жаловались индивидуально, но с VI в. было введено коллективное гражданство целых народностей, а точнее тех из них, которые были обращены в христианство, признавали суверенитет императора ромеев и обязывались жить в соответствии с нормами ромейского права, то есть становились подданными – иликами (*urekooi*) [Corgus 1904, № 78]. Та или иная этническая группа, получавшая ромейское гражданство, включалась в административную структуру Империи, а ее вождю, правителю жаловался какой-либо имперский сан или должность (патрикия, архонта и т.п.). Таким образом, понятие “ромейский народ” полностью утратило свой первоначальный этнический смысл, став космополитичным понятием, впрочем, как и “эллинский народ”. Отныне термин “элин” надолго стал синонимом понятия “язычник”. Народы же, сохранявшие собственную политическую и юридическую организацию, даже если они размещались на территории Империи, обычно были связаны с ней союзными договорами, но были не подданными императора, а так называемыми катиками (*katekooi*) – “подвластными”, то есть даже терминологически отличались от граждан – ромеев [Медведев 1990, с. 11; ср.: Иванов 1987, с. 29-30; Айбабин 1999, с. 119-120].

Империя. Примечательно, здесь проглядывает общая тенденция, поскольку в 70-х гг. VI в. половина армии на восточной границе государства состояла именно из федератов [Treadgold 1997, p. 251]. При этом можно говорить о сохранении этими союзниками некоторой политической самостоятельности [ср.: Кулаковский 1912, с. 209-210]. В ходе долгого и медленного процесса вызревания, создания фем в качестве военно-территориальных единиц, симмахи устраивались на поселения в византийских провинциях, как, например, готы Тиверия Константина и Тиверия Маврикия – в малоазийских Ликаонии и Писидии [Stein 1919, S. 140]. По закону с июля 530 г. они причислялись к *milites* наравне со схолариями и стратиотами – солдатами, которыми командовали магистры войск [Corpus 1895, IV.65.35].

Судя по погребениям на некрополях Мангупа, Эски-Кермена, Чуфут-Кале и Баклы, здешние воины жили в окрестностях крепостей вместе с семьями [Айбабин 1999, с. 148]. Инвентарь погребений в Юго-Западной Таврике VI-VII вв. свидетельствует также в пользу того, что местные союзники Империи или энспонды, как несколько архаично их именовал Прокопий, принадлежали к свободным состоятельным земледельцам-воинам, слабо дифференцированным в имущественном и социальном отношении [Амброз 1994, с. 58-59]. В целом это напоминает стратиотский состав крестьян-общинников Византии, “господ георгов” несколько более позднего времени. Назвать их бедными не приходится в голову. Серебряные пряжки, браслеты, фибулы, ремни от поясных гарнитуров довольно часто встречаются в могилах VI-VII вв., что говорит в пользу зажиточности местного населения, причем даже в сравнении с погребенными в это время на загородном кладбище Херсона, где такого рода вещи попадаются гораздо реже [ср.: Борисова 1959, с. 171-189].

Впрочем, варвары далеко не везде переходили к общинному землепользованию на территориях, где они расселялись. К примеру, в Эмилии-Романье, в Восточной Италии, германцы были включены в традиционную позднеримскую систему хозяйственных отношений и социальных связей [Удальцова 1959, с. 44-45; Бородин 2001, с. 322-323]. Учитывая мощное античное влияние со стороны Херсона, подобное могло произойти и в Юго-Западной Таврике. Но не произошло. Во всяком случае, антропонимика не отразила таких связей. Причина могла крыться, видимо, в том, что система античного местного землевладения в IV-VI вв. пришла в упадок. Тем не менее, херсонитам пришлось вступить в отношения со свободными мелкими земельными собственниками – аланами, готами, даже если последние не жили крестьянскими общинами. К счастью для византийцев, это население иранского и германского происхождения в Юго-Западной Таврике не было оформленной и политически организованной общиной. Недаром германская топонимика оказалась представлена здесь весьма слабо и, за исключением названия страны Дори, “земли Готфов” и, возможно, Фул (от готского *fuls* – “гнилой, тухлый” [Гухман 1958, с. 261]), в византийских источниках не отразилась. Средневековые по содержанию тенденции

формирования воинского устройства тоже развивались исподволь и в течение нескольких столетий.

Нет сомнений, что в военно-организационном отношении все эти контингенты “катигов”, “союзников”, постепенно терявших свою этническую, племенную специфику, были замкнуты на командование, находившееся в Херсоне. Финансовые, налоговые, податные вопросы здесь решали тоже представители византийской администрации. Находка на Мангупе в сезон исследований 2000 г. моливдула императорского логофета, патрикия Дорофея, скорее всего, главы налогового ведомства государства во второй четверти VII в., недвусмысленно указывает на распространение здесь имперской податной системы, в сети которой попали федераты²⁹. О контроле со стороны официального Константинополя говорит и отправленный сюда моливдовул одного из василевсов VII в. [Герцен 2003, с. 18]. При этом для общения с аланоготским контингентом существовали особые штатные переводчики – ерминевты, печати которых тоже зафиксированы среди херсонских сфрагистических материалов второй половины VI – первой половины VII вв. [Соколова 1996, с. 193-194, рис. 4]. В VIII в. такие чиновники уже входили в структуру логофессии дрома, своего рода министерства иностранных дел и внешней разведки. Все эти экономические, политические и идеологические средства объективно действовали в сторону скорейшей интеграции местного варварского населения в этнически пестрый, с полутонами подвластности, но по сути единый состав Романии, и вели к образованию в Таврике архонтий.

В представлении ромеев Херсон действительно находился на краю Византии, на крайних пределах Империи, был отдаленным местом [Прокопий 1938, с. 249; Прокопий 1996, III.10; ср.: Творения... 1869, с. 244, № 92]. Однако надо учесть, что это понималось именно как отдаленный край, рубеж, но не заброшенная, захолустная окраина, как иногда полагают современные исследователи. Куда дальше от Константинополя находились юг Малой Азии или Сицилия. Максимум 10-15 суток неспешного морского плавания от столицы Романии либо 2-3 суток от Южного берега Понта, напрямик, были отнюдь не огромным расстоянием³⁰. Город постоянно ощущал то активизировавшуюся каждый новый навигационный сезон, то замиравшую на несколько месяцев

²⁹ В правление Константа II (641-668), видимо, этот же Дорофей был назначен стратигом Сицилии и в 654 г. выступал в Константинополе свидетелем на суде над римским папой Мартином I, который в итоге оказался в ссылке в “Херсоне и климатах”, то есть в тех самых краях, где обнаружена печать от послания Дорофея [см.: Герцен, Алексеенко 2001, с. 91-92].

³⁰ Прибегнув к краткому пути через Черное море, пути, соединявшему мыс Карамбис в 130 км западнее Синопа с мысом Криу Метопон (Бараний лоб) на Южном берегу Крыма, можно было даже при скорости два узла (3,7 км/ч) при благоприятных условиях, искусно используя основные попутные течения, заикленные в два гигантских, противовращающихся кольца, сравнительно быстро за 2-3 суток преодолеть водную преграду протяженностью около 267 км (144 морские мили), о чем давно знали мореходы [см.: Гайдукевич 1969, с. 13-17; Золотарев 1979, с. 94-100; Кадеев, Сорочан 1989, с. 4, 95; Веникеев, Артеменко 1992, с. 28]. К примеру, корабль, на

зимой, но никогда не прекращавшуюся связь, которая делала его частицей Империи, причем не малой частицей. К VI в. Херсон занимал площадь около 29 га, когда на западном участке обороны к нему было сделано солидное приращение из оборонительных стен, добавившее еще 1,2 га³¹. Сухопутная сплошная линия защиты города имела едва ли не рекордную протяженность в Таврике – свыше 2,5 км и, очевидно, была прикрыта оборонительными стенами как с юга и запада, со стороны суши, так и с севера и востока, с моря [Антонова, Рижов 1972, с. 261]³². Собственно “Херсонития” простиралась еще дальше, вплоть до верховьев р. Альмы, отрогов Второй (Внутренней) гряды Крымских гор, Южного и Юго-Восточного побережья полуострова.

Таманская строительная надпись о работах в Боспоре стратилата и дуки Херсона Евпатерия датируется 590 г. и совпадает с находкой на территории херсонесской цитадели печати Тиверия Маврикия, которая относится к заключительному этапу его правления (590-602) [Алексеев 1999, с. 147, № 7]. Здесь, в юго-восточном, особенно хорошо укрепленном углу городища находился военный гарнизон и, скорее всего, ставка дукса. От этого времени на территории цитадели дошли строительные остатки так называемого “дома командира” – по меньшей мере двухэтажного здания недалеко от 19 куртины оборонительных стен и располагавшаяся напротив, перестроенная в VI в. баня-валания с системой гипокауста, облицованными цемянкой ванными, горячим, теплым и холодным помещениями [см.: Сорочан, Зубарь, Марченко 2003, с. 66, 69-71].

Наряду с кадровыми, регулярными полевыми войсками, вооруженные силы города могли дополнять ополченцы, по сути дела, городская милиция, немногим отличавшаяся от арифма прежних баллистариев. Аналогии такой практики достаточно хорошо известны, в том числе, и в самом Херсоне IV-V вв. [Зубарь, Сорочан 1998, с. 119-120], и в целом ряде других ранневизантийских центров. Имперские профессиональные войска в конце VI – начале VII вв. были сосредоточены главным образом на границах, и их не хватало для оказания помощи в организации обороны византийских провинциальных городов, даже самых крупных, горожане которых поэтому были вынуждены сами вооружаться и защищать стены своих городов (*o gar demos ... oplisthentes epi ta teiche aneesan*), как это наглядно видно на примере Фессалоники с ее “городским войском” (*ton stratou tes poleos*) [Чудеса... 1995, с. 98, § 107; с. 100, § 110; с. 104, § 119, 120]. Как

котором в 791 г. везли из Амастриды тело усопшего епископа Иоанна Исповедника, пустился в море 27 июня, а “29-го, ко всеобщей достиж святых апостолов в монастыре”, то есть примерно через 60 часов, к вечеру 29 июня гроб уже вносили в храм св. Апостолов в Парфените [Житие Иоанна Готского 1912, с. 398].

³¹ В IX в. к территории города было добавлено с западной стороны еще около 2 га, впрочем, оставшихся незаселенными [см.: Антонова 1974, с. 70; 1996, с. 105].

³² К сожалению, процесс разрушения этих приморских стен продолжается, и море неумолимо уносит немногие сохранившиеся остатки. Северный берег уже давно лишился их, а на восточном обрывистом мысу осталось не более трех метров 28 куртины, которым вскоре тоже грозит исчезновение.

можно понять со слов автора Чудес св. Димитрия, вспоминая о событиях семидневной осады Фессалоники славянами и аварами в 586 или 597 г., часть горожан, очевидно, небольшая, была записана в “воинские отряды” (*en stratiotikois tetagmenon lochois*), но жила в городе, как и некоторые остальные, от случая к случаю выступая оттуда в походы (*ton allos pos ethisthenton makran pou tes poleos oplitikos*) [Lemerle 1979, p. 136. 19-20; Чудеса... 1995, с. 106. 97-99, § 124]. Некоторые города во Фракии в самом конце VI в. еще сохраняли дарованное ранее императорское право иметь свой собственный гарнизон во главе со “знатными стратиотами города” (*tes poleos episemoi stratiotai*), а значит, определять его численность и состав [Theophanis 1883, p. 274].

Таким образом, херсониты тоже могли представлять иррегулярное или полурегулярное воинское формирование, наподобие *exercitus* Рима VII в., где, по данным Книги понтификов, рассказывающей о событиях 640-х гг., воинское содержание – ругу – получала вся вооруженная часть населения, пригодная для того, чтобы выступать в составе ополчения – люди “от мальчика до старика” [De Liber Pontificalis 1886, p. 328; Бородин 1991, с. 186-187; Бородин 2001, с. 77-87]. Город, подобный Херсону, с населением не менее 6-7 тыс. человек [подробнее об этом см.: Сорочан 1998, с. 347-348] был способен выставить приблизительно тысячу ополченцев (1:6 обычное соотношение воинов от числа городского гражданского населения в средневековье). Вероятно, в свое время император Константин Великий в награду за военную помощь Империи не случайно выделил херсонеситам именно такое количество ежегодных воинских пайков – *chilias annonas* [Константин Багрянородный 1989, с. 254-255, гл. 53. 147-156]. Константин Багрянородный считал при этом важным уточнить, что “...вплоть донныне (до времени составления источника, которым пользовался император – С.С.) их сыновья зачисляются в [этот] отряд (*en to arithmo*) сообразно с состоянием стратии родителей (*ton goneon tes strateias*)” [Константин Багрянородный 1989, с. 254-255, гл. 53. 156-158]³³. Вместе с 3 тыс. крымских энспондов – союзников Империи из числа местных “готоалан” – эти вооруженные силы представляются вполне достаточными по меркам эпохи. Известно, что позже численность состава византийской воинской фемы составляла в среднем 2-4 тыс. человек [ср.: Кучма 1975, с. 82; Oikonomides 1996, p. 105-125]. В действительности она могла быть еще меньше. Скажем, во время военной экспедиции на Крит в 949 г. войско Фракийской фемы насчитывало 950 человек (600 армян-стратиотов и 150 офицеров и профессиональных солдат), а фемы Харпезикий и того меньше – 704 человека, из которых 428 были армяне-стратиоты, причем командный состав составлял 251 человека, не считая 25

³³ Словом “арифм” византийцы обычно называли воинские отряды, состоявшие из иноземцев, что в данном случае едва ли подходит. Однако запись детей стратиотов в каталоги на место своих отцов действительно рассматривалась как привилегия, по крайней мере, еще в конце VI-VII вв. [см.: Феофан Исповедник 1995, с. 260 (VI), комм. 123].

человек, входивших в штаб стратига [Constantini Porphyrogeniti 1829, p. 666-667; Treadgold 1992, p. 128 f.]. Даже такая большая военно-административная область как Пелопоннес, если исходить из подсчета, проделанного Н.Икономидесом, располагала примерно 1500-2000 стратиотов [Oikonomides 1996, p. 108-119]. К тому же надо учесть, что херсонесские военные силы ни в ранневизантийское время, ни, тем более, позже не предназначались для осуществления крупномасштабных наступательных операций. Около 716 г. будущий Лев III Исавр, ведший рейдовую войну с арабами силами небольшого отряда, отступив в Писидию, организовал оборону осажденного города силами всего лишь 800 человек [Theophanis 1883, p. 387-388].

Предел размеров воинских контингентов, собираемых для военных действий, определяла, прежде всего, проблема снабжения этих войск на марше, поскольку это снабжение зависело в значительной степени от реквизиций, которые удавалось сделать по пути [Theophanis 1883, p. 312, 500]. Поэтому византийская тактика, унаследованная от Маврикия с его “Стратегиконом”, учитывала, что военные действия лучше вести небольшими, но дисциплинированными отрядами – фемами [Leonis 1863, col. 713 (const. IV, sec. 62), 816 (XIII, sec. 32)]. Кроме того, концентрация большого количества вооруженных людей в одном месте даже ради смотра или устройства военного лагеря сулила опасность по политическим соображениям и поэтому допускалась на очень короткий срок, после которого шло разделение собранных войск на более мелкие, легче управляемые и проще снабжаемые отряды [Leonis 1863, col. 768 (const. IX, sec. 4)]. Памятуя тактические наставления, дошедшие от VI-VII вв., Лев VI Мудрый тоже советовал избегать скоплений войск в городах, мягко относиться к воинам-ополченцам и побыстрее переводить собранную армию на вражескую территорию, чтобы она снабжалась не за счет собственного, а за счет чужого продовольствия [Leonis 1863, col. 772-776 (const. IX, sec. 15, 23)].

Едва ли все выше сказанное могло не коснуться Херсона и его периферии. Их историческая судьба не была исключением из общих правил, коим следовало развитие вначале греко-римской, а затем византийской цивилизации. В послеюстиниановское время Херсон, как и прочие многочисленные центры Империи, окончательно потерял если не внешние, то внутренние, глубинные античные черты, бесповоротно став типичным пограничным провинциальным городом, проводником миссионерства в Таврике, “столицей” этого полуденного края с пока еще весьма гетерогенным населением, которое неравномерно, медленно, но неуклонно консолидировалось в военно-политическом и культурном отношении, эволюционируя в сторону “византийского содружества наций”. Как показали последующие столетия, основы разностороннего ромейского влияния, заложенные во второй половине VI – начале VII вв., невзирая на демографические сдвиги и перипетии византино-хазарских отношений, оказались столь мощными, что их уже нельзя было поколебать.

ЛИТЕРАТУРА

- Айбабин А.И.* Этническая принадлежность могильников Крыма IV – первой половины VII вв. н.э. // СА. 1977. № 1.
- Айбабин А.И.* О времени возникновения городища на горе Эски-Кермен (Тезисы докладов XI Всесоюзной сессии по проблемам византиноведения и средневековой истории Крыма. 20-24 сентября 1983 г.) // Архив НЗХТ. Д. № 2385.
- Айбабин А.И.* Хронология могильников раннесредневекового Крыма IV-VII вв.: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Киев, 1987.
- Айбабин А.И.* Хронология могильников Крыма позднеантичного и раннесредневекового времени // МАИЭТ. 1990. Вып. I.
- Айбабин А.И.* Основные этапы истории городища Эски-Кермен // МАИЭТ. 1991. Вып. II.
- Айбабин А.И.* Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь, 1999.
- Айбабин А.И.* Боспор в конце VI – VII вв. // Боспор Киммерийский и Понт в период античности и средневековья. Материалы II Боспорских чтений. Керчь, 2001.
- Айбабин А.И.* О хронологии некрополя Боспора VI-VII вв. // Боспор Киммерийский, Понт и варварский мир в период античности и средневековья. Керчь, 2002.
- Алексеев Н.А.* Молибдовул императора Маврикия из Херсонеса // Проблемы археологии древнего и средневекового Крыма. Тез. докл. Симферополь, 1995.
- Алексеев Н.А.* Провинциальный Херсон в сфере интересов византийского двора по данным императорских молибдовул // Древности 1997-1998. Харьков, 1999.
- Алексеев Н.А.* Находки монет на территории генуэзской крепости Чембало // ХСб. 1999а. Вып. 10.
- Амброз А.К.* Восточноевропейские и среднеазиатские степи V – первой половины VIII в. // Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981.
- Амброз А.К.* Юго-Западный Крым. Могильники IV-VII вв. // МАИЭТ. 1994. Вып. IV.
- (Антонина)* Житие иже во святых отца нашего Симеона Столпника // Православный палестинский сборник. 1907. Вып. 57. Т. 19. Вып. 3.
- Антонова И.А.* XIV башня оборонительных стен Херсонеса // Херсонес Таврический. Ремесло и культура. Киев, 1974.
- Антонова И.А.* Юго-восточный участок оборонительных стен Херсонеса. Проблема датировки // ХСб. 1996. Вып. 7.
- Антонова И.А., Рижов С.Г.* Оборонный рів та могильник поблизу першої куртини стін Херсонеса // Археологічні дослідження на Україні в 1969 р. Київ, 1972.
- Артамонов М.И.* Очерки древнейшей истории хазар. Л., 1936.
- Артамонов М.И.* История хазар. Л., 1962.
- Баранов И.А.* Таврика в составе Хазарского каганата (середина VII – X вв.): Автореф. дисс. ... докт. ист. наук // Институт археологии НАН Украины. Киев, 1994.
- Бармина Н.И.* Мангупская базилика в свете некоторых проблем крымского средневековья // АДСВ. Византия и средневековый Крым. Симферополь, 1995. Вып. 27.
- Бармина Н.И.* Вопросы и ответы: опыт источниковедческого анализа // Кумуляция и трансляция византийской культуры. Материалы XI научных Сюзюмовских чтений. Екатеринбург, 2003.
- Белов Г.Д.* Западная оборонительная стена и некрополь возле нее (раскопки 1948 г.) // МИА. 1953. № 34.
- Бертье-Делагард А.Л.* Надпись времен императора Зенона в связи с отрывками из истории Херсонеса // ЗООИД. 1893. Т. 16.
- Бертье-Делагард А.Л.* Древности южной России. Раскопки Херсонеса // МАР. СПб., 1893а. № 12.
- Бертье-Делагард А.Л.* Каламита и Феодоро // ИТУАК. Симферополь, 1918. № 55.
- Блаватский В.Д.* Пантикапей. Очерки по истории столицы Боспора. М., 1964.
- Блаватский В.Д.* Боспор в позднеантичное время // Блаватский В.Д. Античная археология и история. М., 1985.

- Бобринский А.А. Херсонес Таврический. Исторический очерк. СПб., 1905.
- Боданинский У.А., Засыпкин Б.Н. Чуфут-Кале (по материалам раскопок 1928-29 гг.) // ИТУАК. Симферополь, 1929. Т. 30 (60).
- Болгов Н.Н. Боспор V в.: континуитет материальной культуры "темного столетия" (Европейская часть) // Проблемы истории, философии и культуры. М.; Магнитогорск, 1998. Вып. 5.
- Болгов Н.Н. Проблемы истории, историографии, палеографии Северного Причерноморья IV-VI вв. Белгород, 2002.
- Борисова В.В. Могильник у высоты "Сахарная головка" (По раскопкам и разведкам 1951 и 1953 годов) // ХСб. 1959. Вып. 5.
- Бородин О.Р. Византийская Италия в VI-VIII веках (Равеннский экзархат и Пентаполь). Барнаул, 1991.
- Бородин О.Р. Равеннский экзархат. Византицы в Италии. М., 2001.
- Васильев А.А. Готы в Крыму. II Время византийского, хазарского и русского влияния (с VI до начала XI в.) // ИГАИМК. 1927. Т. 5.
- Васильевский В.Г. Турки в Херсонесе в VI веке // ЖМНП. 1878. Ч. 195. Январь.
- Веймарн С.В. Археологічні роботи в районі Інкермана // Археологічні пам'ятки УРСР. Київ, 1963.
- Веймарн Е.В. О двух неясных вопросах средневековья Юго-Западного Крыма // Археологические исследования средневекового Крыма. Киев, 1968.
- Веймарн Е.В., Даниленко В.Н., Герцен А.Г. Работы Мангупского отряда // АО 1973 г. М., 1974.
- Веникеев Е.В., Артеменко Л.Т. Пенителы Понта. Симферополь, 1992.
- Византийский военный трактат «De castrametatione» / Пер. В.В.Кучмы // ВВ. 2002. Т. 61 (86).
- Виноградов А.Ю. К датировке надписи Юстиниана с Мангупа // ANAXAPCIC. Памяти Ю.Г.Виноградова (ХСб. Вып. 11). Севастополь, 2001.
- Воронин Ю.С., Даниленко В.Н., Кутайсов В.А., Михайловский Е.В., Мыц В.Л., Петрова Э.Б. Работы в Бахчисарайском районе // АО 1978 г. М., 1979.
- Воронов Ю.Н. Археологические древности и памятники Абхазии (V-XIV вв.) // Проблемы истории, философии и культуры. М.; Магнитогорск, 2002. Вып. 12.
- Гадло А.В. Этническая история Северного Кавказа IX-X вв. Л., 1979.
- Гайдукевич В.Ф. Памятники раннего средневековья в Тиритакке // СА. 1940. Т. 6.
- Гайдукевич В.Ф. Боспорское царство. М.; Л., 1949.
- Гайдукевич В.Ф. О путях прохождения древнегреческих кораблей в Понте Эвксинском // КСИА. 1969. Вып. 116.
- Гайдуков Н.Е. К вопросу о датировке пещерного храма с баптистерием пещерного города Тепе-Кермен // Культовые памятники в мировой культуре: археологический, исторический и философский аспекты. V Междунар. Крым. конф. по религиоведению. Тезисы докл. и сообщ. Севастополь, 2003.
- Герцен А.Г. О крепостном строительстве на Мангупе (Тезисы докладов XI Всесоюзной сессии по проблемам византиноведения и средневековой истории Крыма) // Архив НЗХТ. Д. № 2385.
- Герцен А.Г. Крепостное строительство в Юго-Западной Таврике (в связи с проблемой взаимоотношения горных и степных районов) // Тезисы докладов Душетской конференции. Тбилиси, 1984.
- Герцен А.Г. Система оборонительных сооружений Мангупа: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1984а.
- Герцен А.Г. К вопросу о территории Херсонесской фемы // Проблемы исследований античного и средневекового Херсонеса. Тезисы докл. конф. Севастополь, 1988.
- Герцен А.Г. Крепостной ансамбль Мангупа // МАИЭТ. 1990. Вып. I.
- Герцен А.Г. О раннесредневековых крепостных стенах Мангупа (в связи со взглядами А.Л.Якобсона и современными данными) // Фортификация в древности и средневековье. СПб., 1995.

Сорочан С.Б. Око и щит империи. Херсон к концу правления...

- Герцен А.Г. К проблеме типологии городищ Юго-Западной Таврики // АДСВ. Византия и средневековый Крым. Симферополь, 1995а. Вып. 27.
- Герцен А.Г. Ранневизантийские крепости Юго-Западной Таврики // Византия и Крым. Международ. конф. Симферополь, 1997.
- Герцен А.Г. Рассказ о городе Феодоро. Топографические и археологические реалии в поэме иеромонаха Матфея // АДСВ. Екатеринбург, 2001. Вып. 32.
- Герцен А.Г. По поводу новой публикации турецкого источника о завоевании Крыма // МАИЭТ. 2001а. Вып. VIII.
- Герцен А.Г. Дорос-Феодоро: от ранневизантийской крепости к феодальному городу // Кумуляция и трансляция византийской культуры. Материалы XI научных Сюзюмовских чтений. Екатеринбург, 2003.
- Герцен А.Г., Алексеев Н.А. Византийские моливдовулы из раскопок Мангуп-Кале // Проблемы истории и археологии Украины. Материалы междунар. науч. конф. Харьков, 2001.
- Герцен А.Г., Могаричев Ю.М. Еще раз о дате появления крепости на плато Чуфут-Кале // Проблема истории "пещерных городов" в Крыму. Симферополь, 1992.
- Герцен А.Г., Могаричев Ю.М. Крепость драгоценностей. Кырк-Ор. Чуфут-Кале. Симферополь, 1993.
- Герцен А.Г., Науменко В.Е. Керамика IX-XI вв. из жилого комплекса на мысе Тешкли-Бурун // АДСВ. Екатеринбург, 2001. Вып. 32.
- Голофаст Л.А. Стекло ранневизантийского Херсонеса // МАИЭТ. 2001. Вып. VIII.
- Гумилев Л.Н. Древние тюрки. М., 1967.
- Гухман М.М. Готский язык. М., 1958.
- Дебец Г.Ф. Палеоантропология СССР. М.; Л., 1948.
- Домбровський О.І. Середньовічний Херсонес // Археологія Української РСР. Київ, 1975. Т.3.
- Житие Иоанна Готского // Труды В.Г.Васильевского. СПб., 1912. Т. 2. Вып. 2.
- Журавлев Д.В. Новые данные о Пантикапее в позднеантичную эпоху // Bosporian City of Nymphaion. New Materials and Recent Studies in Problems of Ancient History of Greek Cities in the North Pontic Area. International Scientific Conference Dedicated to the 60th Anniversary of the Nymphaion Archaeological Expedition and the 70th Anniversary of Nonna L. Gratch. St. Petersburg, 1999.
- Завадская И.А. Некоторые проблемы датировки комплекса Уваровской базилики Херсонеса // Бахчисарайский историко-археологический сборник. Симферополь, 1997. Вып. 1.
- Залесская В.Н. Образы небесных вестников на некоторых памятниках прикладного искусства Византии // АДСВ. Екатеринбург, 1998. Вып. 29.
- Засецкая И.П. Культура кочевников южнорусских степей в гуннскую эпоху (конец IV-V вв.). СПб., 1994.
- Засецкая И.П. Степи Северного Причерноморья и Боспор в гуннскую эпоху (конец IV-V вв. н.э.). Проблемы хронологии и этнокультурной принадлежности: Автореф. дисс. ... докт. ист. наук. М., 1996.
- Золотарев М.И. Новые данные о древних морских путях в Понте-Эвксинском // Проблемы греческой колонизации Северного и Восточного Причерноморья. Материалы I Всесоюз. симпозиума по древней истории Причерноморья (Цхалтубо, 1977). Тбилиси, 1979.
- Зубарь В.М. Некрополь Херсонеса Таврического в I-IV вв. н.э. Киев, 1982.
- Зубарь В.М. Этнический состав населения Херсонеса Таврического первых веков н.э. // Материалы к этнической истории Крыма VII в. до н.э. – VII в. н.э. Киев, 1987.
- Зубарь В.М. Про так званий Таврійський лімес // Київська старовина. 1997. № 1/2 (315).
- Зубарь В.М. Новая римская вексилляция в Таврике // Военная археология. Оружие и военное дело в исторической и социальной перспективе. Материалы Международ. конф. СПб., 1998.
- Зубарь В.М. Еще раз о Таврическом лимесе // РА. 2000. № 2.
- Зубарь В.М., Рыжов С.Г. Отчет о раскопках херсонесского некрополя в 1975 г. // Архив НЗХТ. Д. №1778.

- Зубарь В.М., Сорочан С.Б. О положении Херсона в конце V-VI вв.: политический и экономический аспекты // ХСб. 1998. Вып. 9.
- Иванов С.А. Оборона балканских провинций Византии в первой половине VI в. и проникновение варваров на Балканы // ВВ. 1984. Т. 45.
- Иванов С.А. Понятия "союза" и "подчинения" у Прокопия Кесарийского // Этносоциальная и политическая структура раннефеодальных славянских государств и народностей. М., 1987.
- Ивченко А. К вопросу о проникновении гуннов в Крым (по материалам монетных кладов) // Сугдея, Сурож, Солдайя в истории и культуре Руси-Украины. Материалы науч. конф. Киев; Судак, 2002.
- Иоанн де Плано Карпини. История Монголов. Вильгельм де Рубрук. Путешествие в восточные страны. Пер. А.И.Малеина. СПб., 1911.
- Иордан. О происхождении и деяниях Гетов. *Getica*. Вступ. ст., пер., коммент. Е.Ч.Скржинской. М., 1960.
- Истрин В.М. Хроника Иоанна Малалы в славянском переводе. Книга одиннадцатая и четырнадцатая // Сборник Отделения русского языка и словесности имп. АН. СПб., (1913) 1914. Т. 90. № 2.
- Кадеев В.И., Сорочан С.Б. Экономические связи античных городов Северного Причерноморья в I в. до н.э. – V в. н.э. Харьков, 1989.
- Катюшин Е.А. Феодосия. Каффа. Кефе: Исторический очерк. Феодосия, 1998.
- Кеппен П. О древностях южного берега Крыма и гор Таврических. СПб., 1837.
- Кёне Б. Херсонес // ЖМНП. 1855. Ч. 88. № 11-12 (отд. отд.).
- Кирилло В.Б. Византийская архитектура Мангула // Археология Крыма. Симферополь, 1997. Т. 1. № 1.
- Кобылина М.М. Разрушения гуннов в Фанагории // Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. М., 1978.
- Колли Л.П. Из средневековой географии // ИТУАК. 1910. № 44.
- Кондараки В.Х. Универсальное описание Крыма. СПб., 1875.
- Константин Багрянородный. Об управлении империей. М., 1989.
- Косцюшко-Валюжинич К.К. Отчет о раскопках в Херсонесе Таврическом в 1905 году // ИАК. 1907. Вып. 25.
- Кропоткин В.В. Из истории средневекового Крыма // СА. 1958. Т. 28.
- Круглов Е.В. Некоторые проблемы анализа особенностей обращения византийских монет VI-VIII вв. в восточноевропейских степях // Хазарский альманах. Харьков, 2002. Т. 1.
- Кубарев Г.В., Ахмедов И.Р., Журавлев Д.В. Катакомбное погребение с доспехом с Госпитальной улицы г. Керчи (Предварительная информация) // БИ. Симферополь, 2003. Вып. 3.
- Кулаковский Ю.А. К истории Боспора Киммерийского в конце VI века // ВВ. 1896. Т. 3. Вып. 1.
- Кулаковский Ю.А. Из истории Готской епархии в Крыму в VIII веке // ЖМНП. 1898. Ч. 315. Февраль.
- Кулаковский Ю. Прошлое Тавриды. Краткий исторический очерк. Киев, 1906.
- Кулаковский Ю. История Византии. Киев, 1912. Т. 1.
- Кучма В.В. Из истории византийского военного искусства на рубеже IX-X вв. (структура и численность армейских подразделений) // АДСВ. Свердловск, 1975. Вып. 12.
- Лавров П. Жития херсонесских святых в греко-славянской письменности // Памятники христианского Херсонеса. М., 1911. Вып. 2.
- Ланцов С.Б., Голенко В.К. О западной границе Боспора в IV в. н.э. // Боспорский феномен: греческая культура на периферии античного мира. Материалы междунар. науч. конф. СПб., 1999.
- Латышев В.В. Этюды по византийской эпиграфике // ВВ. 1894. Т. 1. Вып. 3-4.
- Латышев В.В. Сборник греческих надписей христианских времен из южной России. СПб., 1896.
- Латышев В.В. Надпись о постройке Херсонесской стены // ИАК. 1901. Вып. 1.

Сорочан С.Б. Око и щит империи. Херсон к концу правления...

- Латышев В.В. Эпиграфические новости из южной России (находки 1905 г.) // ИАК. 1906. Вып. 18.
- Латышев В.В. К надписи Евпатерия // Латышев В.В. ПОНТИКА. СПб., 1909.
- Латышев В. Эпиграфические новости из южной России // ИАК. 1918. Вып. 65.
- Литавин Г.Г. Геополитическое положение Византии в средневековом мире в VII-XII вв. // Византия между Западом и Востоком. СПб., 1999.
- Лихачев Н.П. Датированные византийские печати // ИРАИМК. 1924. Т. 3.
- Лосицкий Ю.Г., Паршина Е.А. Эски-Керменская базилика // Православные древности Таврики (Сборник материалов по церковной археологии). Киев, 2002.
- Масленников А.А. Эллинская хора на краю Ойкумены. М., 1998.
- Масленников А.А. Зенонов Херсонес – городок на Меотиде // Очерки истории и археологии Боспора. М., 1992.
- Масленников А.А. Грунтовые некрополи сельских поселений Караларского побережья (Восточный Крым) первых веков н.э. // Древности Боспора. 2000. Т. 3.
- Масленников А.А. Сельские поселения Европейского Боспора (некоторые проблемы и итоги исследования) // БИ. Симферополь, 2001. Вып. 1.
- Масленников А.А., Безрученко И.М. Земельные наделы античного времени в Крымском Приазовье // КСИА. 1991. Вып. 204.
- Масленников А.А., Мокроусов С.В., Сазанов А.В. Исследования ВКАЭ на Азовском побережье Керченского полуострова в 1998 г. // Проблемы истории, философии и культуры. М.; Магнитогорск, 1999. Т. 7.
- Медведев И.П. Некоторые правовые аспекты византийской государственности // Политические структуры эпохи феодализма в Западной Европе VI-XVII вв. Л., 1990.
- Менандра Византийца продолжение истории Агафиевой. Пер. Сп.Дестуниса, прим. Г.Дестуниса // Византийские историки... СПб., 1860.
- Могаричев Ю.М. Ранние пещерные сооружения Чуфут-Кале // МАИЭТ. 1991. Вып. II.
- Могаричев Ю.М. Пещерные сооружения средневековых городищ Юго-Западного Крыма (вопросы классификации, хронологии, интерпретации) // Проблемы истории “пещерных городов” в Крыму. Симферополь, 1992.
- Могаричев Ю.М. Пещерные церкви Таврики. Симферополь, 1997.
- Могаричев Ю.М. Средневековый Крым // Древний и средневековый Крым. Симферополь, 2000.
- Мокроусов С.В. Крымское Приазовье в ранневизантийское время // Пантикапей – Боспор – Керчь. 26 веков древней столицы. Керчь, 2000.
- Мокроусов С.В. О хронологии сельских поселений Крымского Приазовья в ранневизантийский период // Антиковедение на рубеже тысячелетий. М., 2000а.
- Мокроусов С.В., Сазанов А.В. Поселение Золотое-Восточное в бухте: опыт исследования стратиграфии ранневизантийского времени // Проблемы истории, философии и культуры. М.; Магнитогорск, 1996. Т. 3.
- Молев Е.А. Раскопки Китейской экспедиции в 1990 г. // Архив ИА НАНУ. Д. № 24077.
- Молев Е.А. Основные этапы истории Китея // Таманская старина. СПб., 2000. Вып. 3.
- Молев Е.А., Молева И.В. Раскопки Китея // Археологические исследования в Крыму. 1993 год. Симферополь, 1994.
- Мыц В.Л. Укрепления Таврики X-XV вв. Киев, 1991.
- Мыц В.Л. Алустон в VI-VII вв. // АДСВ. Византия и Крым. Барнаул, 1992. Вып. 26.
- Наследова Р.А. XI Всесоюзная сессия по проблемам византиноведения и средневековой истории Крыма // ВВ. 1986. Т. 46.
- Науменко В.Е. Боспор в системе византийско-хазарских отношений // Боспор Киммерийский. На перекрестке греческого и варварского миров (античность – средневековье). Материалы I Боспорских чтений. Керчь, 2000.
- Николаева Э.Я. Боспор после гуннского нашествия: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 1984.
- Оболенский Д. Византийское содружество наций. Шесть византийских портретов. М., 1998.
- Овчаров Д. Византийски и български крепости V-X век. София, 1982.

- Омелькова Л.А. Исследование раннесредневековых комплексов в Бельбекской долине // АО 1984 г. М., 1986.
- Отчет Заведующего раскопками в Херсонесе за 1893 год // ОАК за 1893 г. СПб., 1895.
- Отчет Заведующего раскопками в Херсонесе К.К.Косцюшко-Валюжинича за 1896 год // ОАК за 1896 год. СПб., 1898.
- Отчет за 1902 год // Архив НЗХТ. Д. № 11.
- Отчет за 1905 год // Архив НЗХТ. Д. № 14.
- Пайкова А.В. Легенды и сказания в памятниках сирийской агиографии // Палестинский сборник. 1990. Вып. 30 (93).
- Панченко Б.А. Шесть моливдовулов из Парфенита // ИАК. 1906. Вып. 18.
- Паришина Е.А. Эски-Керменская базилика // Архитектурно-археологические исследования в Крыму. Киев, 1998.
- Петровский В.А. Православные памятники Тепе-Кермена // Православные древности Таврики. Киев, 2002.
- Пигулевская Н.В. Сирийская средневековая историография. Исследования и переводы. СПб, 2000.
- Пиоро І.С. Гунська навала і Крим // Вісник Київського університету. 1976. № 18. Історія.
- Пиоро И.С. Крымская Готия. Киев, 1990.
- Пономарев Л.Ю. К топографии раннесредневекового Боспора (VI-XII вв.) // Боспор Киммерийский, Понт и варварский мир в период античности и средневековья. Керчь, 2002.
- Производство археологических раскопок в Херсонесе // ОАК за 1891 год. СПб., 1893.
- Производство археологических раскопок. Таврическая губерния. Раскопки в Мангупе // ОАК за 1913-1915 годы. Пг., 1918.
- Прокопий Кесарийский. Тайная история. Пер. С.П.Кондратьева // ВДИ. 1938. № 4.
- Прокопий Кесарийский. О постройках. Пер. С.П.Кондратьева // ВДИ. 1939. № 4.
- Прокопий из Кесарии. Война с готами. Пер. с греч. С.П.Кондратьева. М., 1950.
- Прокопий Кесарийский. Война с персами // Прокопий Кесарийский. Война с вандалами. Тайная история. Пер., ст., коммент. А.А.Чекаловой. М., 1993.
- Прокопий Кесарийский. О постройках. Пер. С.П.Кондратьева // Прокопий Кесарийский. Война с готами. О постройках. М., 1996.
- Пятыхшева Н.В. К вопросу об этническом составе населения Херсонеса в I-IV вв. н.э. // Античное общество. М., 1967.
- Репников Н.И. Некоторые могильники области крымских готов // ИАК. 1906. Вып. 19.
- Репников Н.И. Эски-Кермен в свете археологических разведок 1928-1929 гг. // Готский сборник. ИГАИМК. Л., 1932. Т. 12. Вып. 1-8.
- Репников Н.И. Остатки укреплений Эски-Кермена // Готский сборник. ИГАИМК. Л., 1932а. Т. 12. Вып. 1-8.
- Репников Н.И. Раскопки Эски-Керменского могильника в 1928 и 1929 гг. // Готский сборник. ИГАИМК. Л., 1932б. Т. 12. Вып. 1-8.
- Репников Н.И., Веймарн Е.В. Сюреньское укрепление // Материалы Эски-Керменской экспедиции 1931-1933 гг. ИГАИМК. 1935. Вып. 117.
- Романчук А.И. Значение археологических исследований в Херсонесе для выявления особенностей развития византийского провинциального города // Античный и средневековый город: Тезисы докладов VII научных Сюзюмовских чтений. Екатеринбург, 1994.
- Ростовцев М.И. Новые латинские надписи из Херсонеса // ИАК. 1907. Вып. 23.
- Русяева А.С., Зубарь В.М. Боспор Киммерийский: история и культура. Николаев, 1998.
- Савеля О.Я. Некоторые результаты работ Севастопольской археологической экспедиции в округе Херсонеса в 1990-1995 гг. // ХСб. 1997. Вып. 8.
- Савеля О.Я., Савеля Д.Ю. Могильники позднеантичной – ранневизантийской поры на Гераклейском полуострове (по материалам раскопок могильника в Килен-балке в 1991-1992 гг.) // Византия и народы Причерноморья и Средиземноморья в раннее средневековье (IV-IX вв.). Симферополь, 1994.

Сорочан С.Б. Око и щит империи. Херсон к концу правления...

- Савеля О.Я., Филиппенко В.Ф. Отчет Севастопольской охранно-новостроечной экспедиции о раскопках крепости Каламита в 1984 году // Архив НЗХТ. Д. № 2475.
- Савеля О.Я., Филиппенко В.Ф. Отчет Севастопольской охранно-новостроечной экспедиции о раскопках крепости Каламита (Инкерман) в 1985 г. // Архив НЗХТ. Д. № 2605
- Савеля О.Я., Филиппенко А.А. Раскопки в Кадыковке. Отчет Севастопольской археологической экспедиции о полевых исследованиях в г. Севастополе в 1992 г. // Архив НЗХТ. Д. № 3123.
- Сазанов А.В. Боспор у ранневизантийский час // Археология. 1991. № 2.
- Сазанов А.В. Города и поселения Северного Причерноморья ранневизантийского времени: Автореф. ... докт. ист. наук / МГУ. М., 1999.
- Сазанов А.В., Мозаричев Ю.М. Боспор и Хазарский каганат в конце VII – начале VIII вв. // Проблемы истории, философии и культуры. М.; Магнитогорск, 2002. Вып. 12.
- Сазанов А.В., Мокроусов С.В. Некоторые предварительные данные о хронологии поселения Зеленый мыс (Восточный Крым) // Проблемы истории, философии и культуры. М.; Магнитогорск, 1999. Т. 7.
- Сидоренко В.А. “Готы” области Дори Прокопия Кесарийского и “длинные стены” в Крыму // МАИЭТ. 1991. Вып. II.
- Соколова И.В. Византийские печати из Херсонеса // АДСВ. Византия и средневековый Крым. Барнаул, 1996. Вып. 26.
- Сокольский Н.И. Гунны на Боспоре (по археологическим источникам) // Studien zur Geschichte und Philosophie des Altertums. Amsterdam, 1968.
- Соломоник Э. И. Новые эпиграфические памятники Херсонеса. Киев, 1973.
- Соломоник Э.И. Латинские надписи Херсонеса Таврического. М., 1983.
- Соломоник Э.И. Несколько новых греческих надписей средневекового Крыма // ВВ. 1986. Т. 47.
- Сорочан С.Б. Византия IV-IX веков: этюды рынка. Харьков, 1998.
- Сорочан С.Б., Зубарь В.М., Марченко Л.В. Жизнь и гибель Херсонеса. Харьков, 2000.
- Сорочан С.Б., Зубарь В.М., Марченко Л.В. Херсонес – Херсон – Корсунь. Киев, 2003.
- Талис Д.Л. Некоторые проблемы истории средневековой Таврики и литература последних лет // ВВ. 1961. Т. 19.
- Талис Д.Л. Сюйренская крепость // ВВ. 1972. Т. 33.
- Талис Д.Л. Оборонительные сооружения Юго-Западного Крыма как исторический источник // Археологические исследования на юге Восточной Европы. М., 1974.
- Творения св. отца нашего преп. Феодора Студита, переведенные с греческого языка при Санкт-Петербургской духовной академии. Ч. 2: Письма к разным лицам. СПб., 1869.
- Тиханова М.А. Базилика // МИА. 1953. № 34.
- Тиханова М.А. Дорос-Феодоро в истории средневекового Крыма // МИА. 1953а. № 34.
- Тортика А.А. К вопросу об исторической интерпретации легенды о переправе гуннов через Босфор Киммерийский // БИ. Симферополь, 2003. Вып. 3.
- Удальцова З.В. Италия и Византия в VI в. М., 1959.
- Удальцова З.В. Дипломатия Византии // Культура Византии второй половины VII-XII вв. М., 1989.
- Ушаков С.В. О лепной керамике из могильников юго-западного Крыма второй половины III – первой половины IV вв. как источнике по этнической истории региона // ХСб. 1998. Вып. 9.
- Феофан Византиец. Выписки из истории Феофана. Пер. Сп.Дестуниса, прим. Г.Дестуниса // Византийские историки ... СПб., 1860.
- Феофан Исповедник // Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. 2. Сост. С.А.Иванов, Г.Г.Литаврин, В.К.Ронин. М., 1995.
- Феофилакт Симокатта. История. Пер. С.П.Кондратьева. М., 1996.
- Филиппенко В.Ф. Новое в истории и археологии крепости Каламиты-Инкермана // ХСб. 1996. Вып. 7.

- Филиппенко В.Ф. Отчет Инкерманской археологической экспедиции о раскопках крепости Каламиты (Инкермана) в 1986 г. // Архив НЗХТ. Д. № 2689.
- Филиппенко В.Ф. Отчет Инкерманской археологической экспедиции о раскопках крепости Каламиты (Инкермана) в 1987 г. // Архив НЗХТ. Д. № 2754.
- Филиппенко В.Ф. Каламита-Инкерман: крепость и монастырь. Севастополь, 1997.
- Филиппенко В.Ф., Сенаторов С.Н. Отчет Инкерманской археологической экспедиции о раскопках крепости Каламиты (Инкермана) в 1988 г. // Архив НЗХТ. Д. № 2862.
- Финогенова С.И. К вопросу о границах и планировке античной Гермоначсы // Таманская старина. СПб., 2000. Вып. 3.
- Фирсов Л.В. О положении страны Дори в Таврике // ВВ. 1979. Т. 40.
- Храпунов М.И. Администрация Херсона наприкінці IV-VI ст. // Археологія. 2000. № 1.
- Храпунов М.И. О взаимоотношениях Боспора и Византии при Юстиниане I // Боспор Киммерийский, Понт и варварский мир в период античности и средневековья. Керчь, 2002.
- Хрушкова Л.Г. Раннехристианские памятники Восточного Причерноморья. М., 2002.
- Христановский В.А. Некрополи Илурата и Китея. Археологическая экспедиция ГМИР 1968-1998 (предварительные итоги) // Боспорское царство как историко-культурный феномен. СПб., 1998.
- Цукерман К. Епископы и гарнизон Херсона в IV веке // МАИЭТ. 1994. Вып. IV.
- Чичуров И.С. Византийские исторические сочинения: "Хронография" Феофана, Бrevиарий "Никифора". Текст, пер., коммент. М., 1980.
- Чудеса св. Димитрия Солунского // Свод древнейших письменных известий о славянах. Т.2 (VII-IX вв.). Сост. С.А.Иванов, Г.Г.Литаврин, В.К.Ронин. М., 1995.
- Шангин М.А. Новый географический текст // ВДИ. 1938. № 4.
- Шандровская В.С. Сфрагистика // Коллекция музея РАИК в Эрмитаже. Каталог выставки. СПб., 1994.
- Шевченко І. Релігійні місії очима Візантії // Записки наукового товариства ім. Т.Шевченка. Львів, 1991. Т. 222: Праці історико-філософської секції.
- Шелов Д.Б. Волго-Донские степи в гуннское время // Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. М., 1978.
- Шестаков С.П. Очерки по истории Херсонеса в VI-X веках по Р. Хр. // Памятники христианского Херсонеса. М., 1908. Вып. 3.
- Шмит Ф.И. Эски-Керменская базилика // Готский сборник. ИГАИМК. 1932. Т. 12. Вып. 1-8.
- Эвлия Челеби. Книга путешествий. Симферополь, 1996.
- Яйленко В.П. О "Корпусе византийских надписей в СССР" // ВВ. 1987. Т. 48.
- Якобсон А.Л. Раннесредневековые стены Мангуна // КСИИМК. 1949. Т. 29.
- Якобсон А.Л. Византия в истории раннесредневековой Таврики // СА. 1954. Т. 21.
- Якобсон А.Л. Разведочные раскопки средневекового поселения Горзувиты // КСИИМК. 1954а. Вып. 53.
- Якобсон А.Л. Раннесредневековый Херсонес // МИА. 1959. № 63.
- Якобсон А.Л. Средневековый Крым. Очерки истории и истории материальной культуры. М.; Л., 1964.
- Якобсон А.Л. Раннесредневековые сельские поселения Юго-Западной Таврики // МИА. 1970. № 168.
- Якобсон А.Л. Крым в средние века. М., 1973.
- Якобсон А.Л. О раннесредневековых крепостных стенах Чуфут-Кале // КСИА. 1974. № 140.
- Якобсон А.Л. Керамика и керамическое производство средневековой Таврики. Л., 1979.
- Ahrweiler H. Fonctionnaire et bureaux maritimes a Byzance // REB. 1961. Vol. 19.
- Ahrweiler H. Byzance et la mer: La marine du guerre, la politique et les institutions maritimes de Byzance au VIIe-XVe siecles. Paris, 1966.
- Ahrweiler H. Les ports byzantins (7e-9e siecles) // La navigazione mediterranea nell'alto medioevo. Spoleto, 1978. Т. 1.

Сорочан С.Б. Око и щит империи. Херсон к концу правления...

- Arendt W.* Ein altturkischer Waffenfund aus Kertsch // Zeitschrift für historische Waffen- und Kostumkunde. 1932. Bd. 4 (13). Heft 3.
- Bakalopoulos A.A.* Istoría tes Thessaloikes. Thessalonike, 1983.
- Basilicorum libri LX.* Ed. C.G.E.Heimbach, G.E.Heimbach. Lipsiae, 1846. T. 4.
- Bortoli A., Kazanski M.* Kherson and its Region // The Economic History of Byzantium From the Seventh through the Fifteenth Century. Ed. A.E.Laiou (Dumbarton Oaks Studies. 39). Washington, D.C., 2002. Vol. 2.
- Bury J.B.* The Imperial Administrative System in the Ninth Century with a Revised Text of the Kletorologion of Philotheos. London, 1911.
- Constantini Porphyrogeniti imperatoris De ceremoniis aulae byzantinae libri duo graece et latine, e rec. Io.Iac.Reiskii.* Bonnae, 1829. Vol. 1.
- Corpus juris civilis.* Berolini, 1895. Vol. 2: Codex Iustinianus / Rec. P.Krueger.
- Corpus juris civilis.* Berolini, 1904. Vol.3: Novellae / Rec. R.Schoell. Opus Schoellii morte interseptum absoluit G.Kroll.
- Diehl Ch.* Etudes sur l'administration byzantine dans l'exarchat de Ravenne (568-751). Paris, 1888.
- Durlat J.* Magister militum – Stratelates dans l'Empire Byzantin (VIe – VIIe siècles) // BZ. 1979. Bd. 72.
- Gajdukevic V.F.* Das Bosporianische Reich. Berlin; Amsterdam, 1971.
- Grosse R.* Römische Militärgeschichte von Gallienus bis zum beginn der byzantinischen Themenverfassung. Berlin, 1920.
- Ioannis Malalae Chronographia ex rec. L.Dindorfii.* Bonnae, 1831.
- Jones A.H.M.* The Later Roman Empire. 284-602. A Social, Economic and Administrative Survey. Oxford, 1964. Vol.1.
- Lemerle P.* Les plus anciens recueils des miracles de Saint Demetrius et la penetration des Slaves dans les Balkans. Paris, 1979. Vol.1: Le Texte.
- Leonis imperatoris Tactica sive De Re Militari liber (Ta en polemois taktika)* // PG. 1863. T. 107.
- De Liber Pontificalis.* Texte, introd. et comment. Par l'abbe L.Duchesne. Paris, 1886. T. 1.
- Menandri Fragmenta* // Historica graeci minoris. Ed. L.Dindorf. Lipsiae, 1871. T. 2.
- Mengozzi G.* La citta italiana nell'alto medio evo. Il periodo longobardo-franco. Roma, 1914.
- Moravcsik Gy.* Byzantinoturcica. Budapest, 1958. Bd. 2.
- Oikonomides N.* The Social Structure of the Byzantine Countryside in the First Half of the Xth Century // Symmeikta. Athena, 1996. T. 10.
- Ostrogorsky G.* Die byzantinische Staatenhierarchie // Seminarium Kondakovianum. Praha, 1936. T. 8.
- Procopii Caesariensis Opera omnia.* Rec. J.Haury, G.Wirth. Lipsiae, 1964. Vol. 4: Peri Ktismaton libri VI sive de aedificiis.
- Sarnowski T., Savelja O.Ja.* Balaklava. Römische Militärstation und Heiligtum des Iupiter Dolichenus. Warschau, 2000.
- Sorochan S.* Light for Life and Death in Early Byzantine Empire // Fire, Light and Light Equipment in the Graeco-Roman World. British Archaeological Reports International Series 1019. Oxford, 2002.
- Das Strategikon des Mauricius.* Ed. G.T.Dennis, E.Gamillscheg. Wien, 1981.
- Stein E.* Studien zur Geschichte des byzantinischen Reiches vornehmlich unter den Kaisern Justinus II und Tiberius-Constantinus. Stuttgart, 1919.
- Synesii episcopi Cyrenes Opera quae extant omnia.* Ed. et interpreteter D.Petavio // Patrologiae cursus completus. Series graeca, accurente J.P.Migne. Patrologiae graeca. 1863. T. 66.
- The Syriac Chronicle* known as that of Zachariah of Mitylene. Transl. by F.J.Hamilton, E.W.Brooks. London, 1899.
- Theophanis Chronographia.* Rec. C. de Boor. Vol. 1: Textum graecum continens. Lipsiae, 1883.
- Theophylacti Simocatae historiarum libri octo.* Rec. I.Bekkeri. Bonnae, 1834.
- Treadgold W.* The Army in the Works of Constantine Porphyrogenitus // Rivista di Studi Bizantini e Neellenici. 1992. T. 29.
- Treadgold W.* A History of the Byzantine State and Society. Stanford, Calif., 1997.
- Winkermann F.* Byzantinische Rang- und Amterstruktur im 8. und 9. Jahrhundert. Berlin, 1985.

SOROCHAN S. B.

**THE EYE AND SHIELD OF THE EMPIRE. CHERSONESOS AT THE END
OF JUSTINIAN'S RULE AND UNDER HIS NEAREST SUCCESSORS**

Summary

The history of Chersonesos and its possession in South-Western Crimea in the second half of the 6th – beginning of the 7th centuries was not a subject of special analytic research. The significant material of sources, especially archaeological, is saved now. Together with the materials of written sources it enables to create a basis for the new concept of the history of Taurica in early Byzantine time. Its main postulate substantiation of failure is recognition of losing the authority by Byzantium. On the territory of the Crimean peninsula between Chersonesos and Bosphorus there was a province of the Empire. It was divided into archontates with the main center in Chersonesos. Another large political center was on Mangup. It was the capital of «the country of Dory». The armed forces of a province consisted of Chersonesos militia, irregular military parts and allies of the Empire in number of approximately 3,000–4,000. The main were federates, *enspondoi* – the free prosperous land-owners, peasants–soldiers from the local population, the Alans and Goths. They were under the political and tax control of a Byzantine central authority. In the last quarter of the 6th century the Taurica provincial grounds transmit from the hands of local archontes under the administration of the supreme military and civil governor – *dux*. Chersonesos and Bosphorus come in structure of *dukat*. Strengthening external danger, threat the Turks' Khaganate from the party increased the need in militarizing the province. The construction of fortifications, fortresses, sentry posts, refuges here became active about 575 AD. and later, up to the end of century. The number of the most significant fortification structure in the South-Western Crimea reached seven, but they cannot be named *Limes*. The construction went under the control of Byzantine authorities and masters – *oikodomo*i with the help of the local population, the allies of the Empire. They were interested in this construction before the time, when political conditions were changed. The Turks' Khaganate broke up in 602 AD. Already in 589 AD. Bosphorus was returned to Byzantium, which saw «the city of Romans» in it. The process of evolution of Chersonesos and Taurica was typical for Byzantium. This region became a part of the Empire, its advanced post into the north, which served to the military purposes, for the tax of the important political and military information. The bases of Byzantine influence were impossible to shake now.